

417

~~432~~
417

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Д. ЛИВИНГСТОНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ПУТЕШЕСТВІЯ И ГЕОГР. ОТКРЫТІЯ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Д. А. Корочевского

Съ портретомъ Ливингстона, гравированнымъ въ Лейпцигѣ
Геданомъ, и съ географическою картою

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГ. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39

1891

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

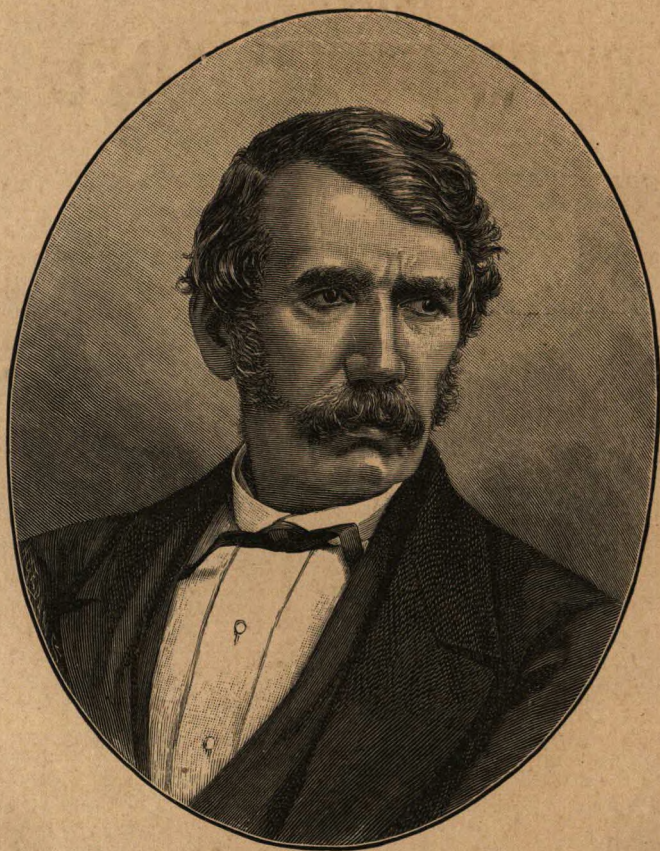
- СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.** Съ портретами, биографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 16 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 н. дороже. За переплетъ: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 переп.) 1 р. и 2 р.
- СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.** Полное собраніе стихотвореній и вса беллетристика въ прозѣ. Въ 1 томѣ. Съ биографіей, портретами и пр. Ц. 1 р. Съ карт.—2 р.
- СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.** Полное собраніе съ портретами, биографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.) Цѣна безъ картинъ—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.
- БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ** къ „Сочиненіямъ Пушкина“. 44 иллюстраціи съ подписями и портретомъ Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.
- МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ** къ „Сочиненіямъ Пушкина“ Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рзаны на деревѣ. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.
- КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.** Повесть А. Пушкина. Роскошное изданіе съ 183 рис. Ц. 60 к. Въ папкѣ—75 к. въ переп. 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.** Съ портретомъ автора и статьей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАВИЧЕВСКАГО.** Критич. очерки, публицист. этюды, литер. характеристика. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.
- РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ** въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа. Ц. 75 к.
- СОЧИНЕНІЯ Ѳ. РЪШЕТНИКОВА** Въ 2 томахъ. Съ портретомъ автора и статьей М. Протопопова. Цѣна 2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к. и 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА** Въ 2 томахъ. Съ портр. автора и стат. Н. Михайловскаго. Цѣна за оба тома 3 р. Въ переп. 3 р. 50 к. и 4 р.
- ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ.** Съ портретомъ Тургенева. Ц. 15 к.
- ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЮ.** Макс Нордау. Перев. Э. Зауеръ. Ц. 2 р.
- БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ.** С. Горянской. Ц. 15 коп.
- ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ,** общепонятно изложенные и объясненные Составилъ В. Фармаковский. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.
- НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.** Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. А. Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.
- ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ** С. Приклонскаго. Ц. 2 р.
- БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ.** Бытовые очерки И. Тимошенкова. Ц. 1 р.
- ВРЮХО ПЕТЕРБУРГА.** А. Вахтiarова. Цѣна 1 р.
- СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ.** П. Мантегацца. Ц. 75 к.
- ВОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ.** Гигіеническій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.
- НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ** Ф. Павленкова. Цѣна 35 к.
- ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА.** 2-е изд. Ц. 75 к.
- ИСТОРИЯ КНИГЪ НА РУСИ** А. Вахтiarова. Со мног. рис. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Братья Разбойники. Съ 3 карт. ц. 2 к.—Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Цыганы. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ карт., ц. 4 к.—Сказка о полѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о золотомъ плѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о рыбацкѣ и рыбакѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Онегинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Анджело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Моцартъ и Сальери. Съ карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Барышня-крестянка. Съ 2 карт. ц. 4 к.—Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровскій. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Капитанская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачев. бунта. Съ мног. карт. ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драмат. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 карт., ц. 10 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретами, ц. 25 к.

15 Июля 1891 г. Ф. Павленковъ выпуститъ дешовое изданіе СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА.

Д. Ливингстонъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Д. ЛИВИНГСТОНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ПУТЕШЕСТВІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ОТКРЫТІЯ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Д. А. Коропчевскаго

Съ портретомъ Ливингстона, гравированнымъ въ Лейпцигѣ
Геданомъ и съ георграфической картой.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

CBGiOŚ, ul. Twarda 51/55
tel. 22 69-78-773

Wa5168015

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГАЗ. „НОВОСТИ“, ЕКАТЕРИНІНСКІЙ КАН., № 113.

1891.

*Биографіе
Н. Вукъ*

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗИОЛОГИЯ ДУШИ. А. Герцена. проф. фессора Лозанн университета. Предисл. Герцена и отца. Съ франц. Ц. 1 р.

МИРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симонова. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиняи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОГРЕСЪ ПРАВДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ. Летурино. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМИИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Проверка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнечных часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярныя очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламариона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневръе. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКЪ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМЪ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ ВЬТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнитъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЯ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГИЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГИЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМЪЩАТЕЛЬНОСТЬ. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСЪКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 72-ми рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА ВАННЯ. Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЬ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Селки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ: Гигіенскія бесѣды. Д-ра Нимейера. Съ 30 рисунками. Ц. 75 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ "Жизни животныхъ"). Съ многими рисунками. Цѣна 2 р.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Нюле. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Селоменса. Перев. съ англійск. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 р.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.

ПЕРВОВЫТНЫЯ ЛЮДИ. Дебъера. Перев. съ французск. М. Энгельгардта. Со многими рисун. Ц. 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растений, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

417

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го февраля 1891 года.

НН-08451

Н-4828001/ТМК

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	стр.
I.—Годы дѣтства и юности	5.
II.—Первые годы въ Аѳрикѣ	11.
III.—Три путешествія изъ Колобенга	17.
IV.—Открытіе новаго пути къ западному берегу Аѳрики. .	27.
V.—Путь къ восточному берегу Аѳрики	35.
VI.—Приѣздъ въ Англію	42.
VII.—Плаваніе по р. Замбери и Шире	48.
VIII.—Возвращеніе въ Линьянти и университетская миссія . .	54.
IX.—Послѣдняя поѣздка въ Англію	61.
X.—Открытіе новыхъ озеръ	67.
XI.—Свиданіе съ Стэнли, послѣднее путешествіе и смерть Ливингстона	75.

Пособіями для составленія настоящего біографическаго очерка
служили:

- 1) *Missionary Travels and Researches in South Africa* (1857, 2 vol.)
by *D. Livingstone*.
 - 2) *Narrative of an expedition to the Zambesi and its tributaries*
(1865) by *D. Livingstone*.
 - 3) *The last journals of David Livingstone in Central Africa from*
1865 to his death (1874).
 - 4) *Das Leben David Livingstones nach seinen unveröffentlichen*
Tagebüchern und Briefen. Von William Garden Blaikie, über-
setzt von Otto Denk. Gütersloh. 1881.
 - 5) *David Livingstone. Ein Lebensbild des grossen Entdeckers und*
Missionars, von Dr. Gustav Plieninger. Stuttgart. 1885.
 - 6) *Übersicht aller Reisen von Livingstone von 1840—69, in «Pe-*
termans Mittheilungen», 1870. mit Karte 9—10, und von 1866—73,
ib. 1875. mit Karte 5—10
-

ГЛАВА I.

Годы дѣтства и юности.

Бѣдная семья.—Дѣтство.—Работа на фабрикѣ.—Вечерніе классы и чтеніе.—Душевный переломъ.—Поступленіе въ Глазговскій университетъ.—Предложеніе лондонскому миссіонерскому обществу.—Испытанія.—Окончаніе медицинскаго образованія.—Выборъ Африки для миссіонерской дѣятельности.

Ливингстонъ былъ родомъ изъ горной Шотландіи. Дѣдъ его съ острова Ульвы переселился въ 1792 г. въ мѣстечко Блентайръ въ Лэнкшейръ, расположенное на берегахъ Клейда, въ семи миляхъ отъ Глазгова. Онъ работалъ тамъ на шерстопрядильной фабрикѣ и былъ извѣстенъ своею честностью: хозяева поручали ему крупныя суммы для доставленія изъ Глазгова на фабрику; еще о немъ сохранилось свѣдѣніе, что онъ не жалѣлъ денегъ на покупку книгъ для своихъ дѣтей. У него было нѣсколько сыновей, которые всѣ погибли во время наполеоновскихъ войнъ, за исключеніемъ одного, Нейля, бывшаго отцомъ Давида Ливингстона. Нейль занимался разносной чайной торговлей и продажей брошюръ религіознаго и нравственнаго содержанія. Ливингстонъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывался о характерѣ своего отца. Вся жизнь его была проникнута сознаніемъ христіанскаго долга; онъ былъ миссіонеромъ въ душѣ, отдавая всѣ свободныя часы чтенію духовныхъ книгъ, преподаванію въ воскресной школѣ и участію въ религіозныхъ и благотворительныхъ обществахъ. Въ 1810 году Нейль Ливингстонъ женился на Агнесѣ Гѣнтеръ, происходившей изъ такой-же бѣдной и почтенной семьи. Послѣ неудачной попытки устроиться въ Глазговѣ, молодые супруги переселились въ Блентайръ, гдѣ у нихъ родилось пять сыновей и двѣ дочери, изъ которыхъ два мальчика умерли въ дѣтствѣ. Ливингстонъ вспоминаетъ о годахъ своего младенчества, какъ о времени вполне счастливымъ, благодаря спокойной и трудолюбивой дѣятельности отца и добродушной, оживлявшей всю семью

веселости матери. Если онъ чѣмъ-либо гордился, то именно происхожденіемъ отъ простыхъ и честныхъ родителей. На надгробномъ камнѣ ихъ онъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Мѣсто упокоенія Нейля Ливингстона и Агнесы Гентеръ, его жены. Ихъ дѣти Джонъ, Давидъ, Жанетта, Чарльзъ и Агнеса благодарятъ Бога за своихъ бѣдныхъ и благочестивыхъ родителей“.

Давидъ Ливингстонъ родился 19-го марта 1813 года. Онъ былъ любимцемъ семьи, внося никогда не измѣнявшую ему веселость въ игры братьевъ и сестеръ и въ семейныя вечернія собранія, въ которыхъ онъ, съ дѣтской откровенностью, рассказывалъ обо всемъ, что думалъ и что его интересовало. Начальное образованіе получилъ онъ въ деревенской школѣ. Десяти лѣтъ родители должны были отдать его на фабрику, гдѣ сначала онъ занимался разматываніемъ шерсти, а впослѣдствіи получилъ мѣсто ткача. Изъ перваго недѣльнаго заработка юноша купилъ себѣ латинскую грамматику и съ величайшимъ рвеніемъ изучалъ этотъ языкъ послѣ работы на фабрикѣ, въ вечернихъ классахъ, отъ 8 до 10 часовъ; ему нужно было вставать въ 6 часовъ утра, чтобы идти на работу, но матери приходилось присматривать за нимъ, чтобы онъ не ложился спать позже полуночи. Работа на фабрикѣ продолжалась отъ 6 часовъ утра до 8 часовъ вечера, съ небольшими перерывами для завтрака и обѣда. Ливингстонъ, страстно любя чтеніе, клалъ книгу около машины и читалъ, хотя необходимость слѣдить за работой не позволяла ему сосредоточиваться на чтеніи болѣе одной минуты подрядъ. Онъ читалъ все, за исключеніемъ романовъ, которые вообще не пользовались почетомъ въ его семьѣ; къ 16 годамъ Ливингстонъ уже могъ свободно читать Виргилія и Горація. Не довольствуясь чтеніемъ, въ праздничные дни онъ вмѣстѣ со своими братьями обходилъ окрестности города, изучая ихъ въ ботаническомъ, зоологическомъ и геологическомъ отношеніи.

На 20-мъ году въ душевной жизни Ливингстона произошла перемѣна, имѣвшая вліяніе на всю его судьбу. Еще съ 12 лѣтъ онъ серьезно размышлялъ о своей грѣховности и считалъ себя недостойнымъ къ воспріятію божественной благодати. Наконецъ наступило время, когда онъ почувствовалъ эту благодать въ своей душѣ вмѣстѣ съ непреодолимымъ желаніемъ посвятить себя служенію Богу. Новую душевную жизнь, пробудившуюся въ немъ, онъ сравниваетъ съ обращеніемъ апостола Павла, блаженнаго

Августина и др. Стремленіе исполнить завѣтъ Христа, „положить душу свою за людей“—опредѣлило его призваніе. Онъ не сразу напалъ на мысль самому сдѣлаться миссіонеромъ и сперва только отдавалъ обществу миссіонеровъ все, что оставалось у него отъ удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Намѣреніе сдѣлаться миссіонеромъ явилось у него на 21-мъ году, послѣ прочтенія воззванія миссіонера Гюцлафа, обращеннаго къ англійскимъ и американскимъ церквамъ относительно христіанскаго просвѣщенія Китая; съ тѣхъ поръ вся его энергія была направлена къ осуществленію этого намѣренія. Когда онъ сообщилъ о немъ духовнику и родителямъ, они отвѣтили ему полнымъ одобреніемъ.

Ливингстонъ не хотѣлъ ограничить подготовку къ дѣятельности миссіонера однимъ изученіемъ богословскихъ наукъ и рѣшилъ, кромѣ того, пройти курсъ врачебнаго искусства, что-бы быть еще болѣе полезнымъ для будущей паствы. Изученіе медицины было сопряжено съ большими затратами, но предстояшія денежныя затрудненія не остановили Ливингстона; онъ работалъ втеченіе шести лѣтнихъ мѣсяцевъ для того, чтобы пріобрѣсти возможность во время зимняго семестра оплачивать свою жизнь въ городѣ и слушаніе лекцій. Съ помощью отца, онъ отыскалъ себѣ комнату въ Глазговѣ, стоившую 2 шиллинга (90 к.) въ недѣлю. Къ концу семестра въ апрѣлѣ (1837 г.) молодой человѣкъ возвратился въ Блентайръ и продолжалъ работать на фабрикѣ; но ему все-таки не удалось собрать нужную сумму на слѣдующій семестръ и недостававшую часть ея онъ занялъ у брата. Въ первые два семестра Ливингстонъ слушалъ лекціи греческаго языка и богословія въ университетѣ и лекціи медицинскихъ наукъ въ Андерсоновской коллегіи; послѣднія стояли для него на первомъ планѣ. Въ это время онъ сблизился съ профессоромъ физиологіи Бьюкэненомъ, професоромъ химіи Грегэмомъ и въ особенности съ ассистентомъ послѣдняго Джемсомъ Юнгомъ, дружбу съ которымъ сохранилъ втеченіе всей своей жизни.

Во второмъ семестрѣ (1837—38 гг.) Ливингстонъ обратился къ лондонскому миссіонерскому Обществу съ предложеніемъ своихъ услугъ въ качествѣ миссіонера. Въ письмѣ къ лицамъ, завѣдующимъ Обществомъ, онъ высказываетъ свое отношеніе къ дѣятельности, которую искалъ для себя. „Прежде всего, говоритъ онъ, миссіонеръ долженъ всѣми зависящими отъ него средствами: путемъ проповѣдей, поученій, бесѣдъ, образованія юношества,

распространять евангельскія истины, по мѣрѣ возможности, вносить въ ту среду, гдѣ онъ находится, искусства и науки цивилизаци и употреблять всѣ усилія, чтобы христіанство становилось доступнѣе сердцу и совѣсти просвѣщаемыхъ“. Онъ не скрываетъ отъ себя всѣхъ трудностей, опасностей и испытаній, какія неизбѣжно встрѣчаютъ миссіонера на его пути, и изъясляетъ полную готовность подвергнуться имъ, въ надеждѣ на помощь Божію, причѣмъ добавляетъ, что онъ не женатъ и не думаетъ жениться, не желая, чтобы семейныя заботы отвлекали его отъ выполненія предстоящаго ему долга.

Предложеніе Ливингстона было принято, и въ сентябрѣ 1838 г. онъ былъ вызванъ въ Лондонъ, чтобы представиться руководителямъ Общества. Тамъ онъ познакомился съ Джозефомъ Муромъ, прибывшимъ изъ Южной Англій для той-же цѣли и служившимъ впоследствии миссіонеромъ на о. Таити. Муръ рассказываетъ, что чѣмъ ближе онъ узнавалъ Ливингстона, тѣмъ болѣе привязывался къ нему; несмотря на свойственную ему неловкость и вовсе не располагающую наружность, въ немъ было что-то необъяснимо привлекательное, одинаково дѣйствовавшее на всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Послѣ предварительныхъ испытаній миссіонерское Общество отправило Ливингстона и Мура къ священнику Ричарду Сесилю, жившему въ Онгарѣ въ Эссексѣ, подъ руководствомъ котораго будущіе миссіонеры должны были подготавливаться втеченіе трехъ мѣсяцевъ. Къ обязанностямъ учениковъ Сесилия принадлежало сочиненіе проповѣдей, которыя, послѣ исправленія учителя, должны были произноситься передъ деревенской общиной. Дебютъ Ливингстона на этомъ поприщѣ оказался крайне неудачнымъ. Въ назначенный часъ онъ вошелъ на кафедру, громко и съ чувствомъ прочиталъ текстъ, но затѣмъ не въ силахъ былъ что-либо произнести. Пробормотавъ: „Друзья, я забылъ все, что хотѣлъ сказать“, ораторъ послѣшн сошелъ съ кафедры и вышелъ изъ церкви. Онъ и впоследствии не сдѣлался проповѣдникомъ и вообще затруднялся говорить съ кафедры въ общественныхъ собраніяхъ. Но когда приходила очередь Ливингстона читать вечернія молитвы, онъ читалъ ихъ такъ, что производилъ на слушателей глубокое впечатлѣніе. Исаакъ Тэйлоръ, прославившійся впоследствии какъ археологъ и жившій въ дѣтскомъ возрастѣ въ Онгарѣ, когда тамъ находился Ливингстонъ, вспоминаетъ, что въ немъ его особенно поражало соединеніе кротости и рѣшительности. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того онъ

не могъ забыть шага, какимъ ходилъ Ливингстонъ—крѣпкаго, отчетливаго, не слишкомъ спѣшнаго и не слишкомъ медленнаго, какъ будто выговаривавшаго: „къ цѣли“.

Неудавшаяся проповѣдь Ливингстона и его своеобразное чтеніе молитвъ вызвали неблагопріятный отзывъ о немъ въ отчетѣ Сесіи Миссіонерскому обществу. Последнее готово уже было отвергнуть просьбу Ливингстона, но кто-то изъ состава совѣта предложилъ продлить время его испытанія еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Такое-же дополнительное испытаніе долженъ былъ выдержать и Джозефъ Муръ. Наконецъ оба они были приняты въ число будущихъ миссіонеровъ. Ливингстонъ просилъ, чтобы ему разрѣшено было остаться еще нѣкоторое время въ Лондонѣ для завершения медицинскаго образованія. Онъ познакомился съ докторомъ Рисдонъ Беннетомъ, резидентомъ королевской коллегіи врачей въ Лондонѣ, и занимался медициной подъ его руководствомъ. Благодаря госпитальной практикѣ, какую могъ ему доставить Беннеттъ, Ливингстонъ вскорѣ пополнилъ недостававшія ему практическія свѣдѣнія и, по отзыву Беннетта, пріобрѣлъ необходимыя познанія въ терапіи и хирургіи, оказавшія ему неоцѣнимыя услуги въ его послѣдующей дѣятельности. Въ свободное время Ливингстонъ работалъ въ Гентеровскомъ музеѣ, изучая сравнительную анатомію подъ руководствомъ знаменитаго Ричарда Оуэна, вниманіе котораго онъ привлекъ къ себѣ горячей любовью къ естествознанію. И на другихъ лицъ, знавшихъ его въ ту пору въ Лондонѣ, онъ производилъ самое благопріятное впечатлѣніе. Помимо всегдашней доброты и готовности помочь страждущему и нуждающемуся, онъ оставилъ по себѣ память добродушной прямоюй и неуклонной послѣдовательностью своимъ убѣжденіямъ, выказывая эти качества въ общеніи со всѣми, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Однако никто еще не подозрѣвалъ тогда замѣчательныхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какія таились въ немъ, и даже руководители миссіонерскаго общества были о немъ не высокаго мнѣнія. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ біографъ Ливингстона Гэрдень Блэки, развитіе его шло весьма медленно, и только въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Лондонѣ онъ достигъ настоящей умственной зрѣлости и отчасти выказалъ свои выдающіяся способности.

Ливингстонъ вынужденъ былъ отказаться отъ первоначальнаго намѣренія ѣхать въ Китай, такъ какъ Англія въ то время была въ войнѣ съ этимъ государствомъ. Въ Вестъ-Индію ему ѣхать

не хотѣлось потому, что достаточное количество правительственныхъ врачей не позволило-бы тамъ примѣнить ему свои медицинскія познанія, а въ Остъ-Индію миссіонерское общество не рѣшалось отправить новичка, считая его недостаточно способнымъ для занятія тамошнихъ наиболѣе важныхъ постовъ. Эти обстоятельства и встрѣча съ извѣстнымъ африканскимъ миссіонеромъ Моффатомъ указали ему Африку, какъ мѣсто его будущей дѣятельности. Въ такомъ поворотѣ своей судьбы Ливингстонъ видѣлъ только опредѣленіе свыше и съ величайшей радостью вступилъ на новый открывавшійся передъ нимъ путь.

Передъ отъѣздомъ изъ Лондона онъ опасно заболѣлъ, но возвращеніе на родину оказало благотворное вліяніе на его здоровье и, спустя недолгое время, онъ уже былъ въ силахъ предпринять предстоявшее ему далекое путешествіе. Въ ноябрѣ 1840 года онъ получилъ дипломъ доктора медицины въ Глазговѣ и заѣхалъ домой только на одну ночь, чтобы проститься съ родными. Ему хотѣлось много сказать имъ, онъ предложилъ даже просидѣть всю ночь, но мать не позволила этого, и они легли въ обыкновенное время. На другой день всѣ встали въ пять часовъ утра, и отецъ пѣшкомъ проводилъ сына до Глазгова, гдѣ тотъ долженъ былъ сѣсть на пароходъ, отходившій въ Ливерпуль. Здѣсь отецъ и сынъ простились въ послѣдній разъ.

ГЛАВА II.

Первые годы въ Африкѣ.

Прибытіе въ Африку.—Взглядъ Ливингстона на миссіонерскую дѣятельность.—Поѣздки изъ Курумана для учрежденія новой станціи.—Маботса.—Чонуанъ. — Колобенгъ. — Женитьба.—Обращеніе начальника племени бакуэновъ.

20-го ноября 1840 г. Ливингстонъ принялъ посвященіе въ Лондонѣ и 8-го декабря отплылъ въ Капскую колонію. Религія была для него постояннымъ, ежедневнымъ дѣломъ жизни. Еще на пути къ мѣсту своего служенія, находясь среди матросовъ, онъ заботится о духовномъ просвѣщеніи ихъ и съ огорченіемъ замѣчаетъ, что ему слишкомъ мало удастся сдѣлать для своей цѣли. У него тогда уже складывается твердое убѣжденіе, что тайна успѣха въ этомъ случаѣ заключается въ личномъ вліяніи. По пріѣздѣ на мѣсто его опять ожидало разочарованіе: ему пришлось убѣдиться, что миссіонеры проникнуты далеко неодинаковымъ духомъ и даже не обладаютъ необходимымъ для ихъ дѣла безпристрастіемъ. Между колонистами и туземцами существовала болѣе или менѣе открытая вражда, и миссіонеры принимали сторону или тѣхъ, или другихъ. Для Ливингстона выборъ не былъ затруднителенъ: онъ сразу сталъ на сторону туземцевъ, терпѣвшихъ притѣсненія отъ колонистовъ.

Прибывъ въ бухту Альгоа, онъ высадился тамъ и сухимъ путемъ доѣхалъ до Курумана, самой сѣверной станціи Миссіонерскаго общества въ Южной Африкѣ, составлявшей обычное мѣстопробываніе Моффата. Уже при этой поѣздкѣ въ Ливингстонѣ обнаружился будущій великій путешественникъ. По поводу ея онъ говоритъ, что путешествіе доставляетъ ему величайшее наслажденіе. Онъ съ восторгомъ описываетъ все новое въ царствѣ животныхъ и растений, встрѣчавшееся на его пути, и собираетъ естественнонаучную коллекцію для профессора Оуэна, которая впрочемъ не дошла по назначенію.

Согласно полученнымъ инструкціямъ, Ливингстонъ долженъ былъ

остаться въ Куруманѣ, дожидаться тамъ возвращенія Моффата изъ Англии и приготовить основаніе новаго миссіонерскаго пункта далѣе къ сѣверу; но для осуществленія этого плана онъ долженъ былъ получить еще новыя указанія. Послѣднія долго не приходили, и Ливингстонъ томился неопредѣленностью своего положенія. Въ письмѣ къ руководителямъ миссіонерскаго общества, отъ 23-го сентября 1841 г., онъ высказываетъ свои воззрѣнія на миссіонерскую дѣятельность, которыя выработалъ уже въ то время и которыхъ держался до конца жизни. По его мнѣнію, населеніе Южной Африки недостаточно густо, чтобы здѣсь могла сосредоточиваться миссіонерская дѣятельность; для послѣдней будетъ полезна, если поле ея раскинется какъ можно шире, повсюду, гдѣ есть доступъ для нея и гдѣ можно приспособить для ея цѣлей мѣстныя силы. Далѣе къ сѣверу населеніе гуще, и ему хотѣлось немедленно отправиться туда въ сопровожденіи другого миссіонера, чтобы слиться съ туземцами и изучить ихъ языкъ и образъ мыслей. Онъ намѣревался взять съ собою двухъ наиболѣе способныхъ туземцевъ Курумана, уже обращенныхъ въ христіанство, и содержаніе одного изъ нихъ принималъ на свой счетъ, если-бы оно оказалось затруднительнымъ для Общества. Одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для распространенія христіанства среди дикарей онъ видѣлъ въ подготовкѣ учителей изъ туземцевъ; облегчая обращеніе послѣднихъ, оно открывало для христіанства страны, еще вовсе неизвѣданныя. Что касается до него самого, то Ливингстонъ высказывалъ полную готовность жить среди дикарей, вдали отъ всякой цивилизаціи, хотя-бы втеченіе цѣлой жизни.

Въ концѣ того-же года Ливингстонъ вмѣстѣ съ другимъ миссіонеромъ предпринялъ изъ Курумана поѣздку за 1050 верстъ съ цѣлью отыскать удобное мѣсто для миссіонерскаго пункта и попытаться создать себѣ помощниковъ среди темнокожаго населенія. Хотя въ странѣ бакуэновъ ему удалось завязать дружественныя сношенія съ ихъ вождемъ Сечелемъ, но онъ не былъ удовлетворенъ результатомъ этой поѣздки. Въ февралѣ слѣдующаго 1842 года онъ опять вернулся въ тѣ-же мѣста и пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, оставаясь всего долѣе въ деревнѣ Лепелолѣ, — къ югу отъ Шокуана, — резиденціи Сечеля. Отрѣзанный отъ всякихъ сношеній съ европейцами, онъ занимался изученіемъ языка и нравовъ бакуэновъ, что впоследствии оказало ему огромную услугу. Изъ Лепелолы онъ предпринималъ поѣздки къ сѣверу, въ страны, гдѣ живутъ

племена бакаа, бамангватовъ и макалоловъ, между 22° и 23° ю. ш. Повсюду проповѣдая туземцамъ истины Евангелія, помогая имъ въ болѣзняхъ и дѣйствуя на нихъ разумными и кроткими мѣрами, онъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ любовь и уваженіе ихъ. Хотя стремленіе расположить ихъ къ принятію христіанства стояло для Ливингстона на первомъ планѣ, но онъ дѣятельно занимался и научнымъ изученіемъ этихъ неизвѣстныхъ странъ. Еще въ свое первое путешествіе онъ высказываетъ замѣчательныя соображенія о строеніи африканскаго материка и о происходящемъ на немъ процессѣ высыханія; тогда-же онъ успѣваетъ насчитать 23 съѣдобныхъ корня и 43 плода въ пустынѣ Калагари, считавшейся лишенной растительности.

По возвращеніи въ іюнѣ 1842 г. въ Куруманъ, Ливингстонъ еще не нашелъ тамъ ожидавшихся распоряженій миссіонерскаго общества относительно выбора миссіонерскаго пункта. Но промедленіе не ослабляло его энергіи. Въ письмѣ къ отцу въ іюлѣ того-же года онъ писалъ: „Несмотря на всѣ наши несовершенства, Слово Божіе здѣсь распространяется. Новыя души пріобрѣтаются нами для Христа и часто такія, на обращеніе которыхъ нельзя было надѣяться. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ 24 человекъ были присоединены къ церкви, и еще много желающихъ присоединиться“.

На возвратномъ пути изъ послѣдней поѣздки въ Куруманъ Ливингстонъ намѣтилъ въ странѣ племени бакатла красивую долину Маботсы для будущей миссіонерской станціи. До февраля 1843 г. онъ не могъ выѣхать изъ Курумана вслѣдствіе броженія, происходившаго среди населенія посѣщенныхъ имъ странъ. Несмотря на угрожавшую опасность, Ливингстонъ поѣхалъ въ страну бакатла, чтобы рѣшить вопросъ о возможности основанія тамъ станціи. Страна оказалась плодородною и населеніе ея — склоннымъ къ принятію христіанства; начальникъ племени, спрошенный о согласіи на учрежденіе христіанской миссіи, отвѣтилъ, что для Ливингстона, если тотъ пріѣдетъ съ этою цѣлью, онъ устроитъ праздникъ, созоветъ своихъ людей, чтобы они обработали ему дадь, и дастъ ему сахарнаго тростника и проса больше, чѣмъ есть у него самого. Найдя въ Куруманѣ ожидавшееся имъ разрѣшеніе миссіонерскаго общества, Ливингстонъ въ августѣ того-же года выѣхалъ съ другимъ миссіонеромъ въ Маботсу, которой достигъ послѣ сорока дней пути. Въ долину, окруженную горами, онъ купилъ землю у начальника племени и началъ постройку

станціи. Онъ выстроилъ хижину въ 22 аршина ширины и 8 аршинъ высоты, въ которой должны были жить онъ самъ, другой миссіонеръ и Мебальвъ, туземецъ изъ Курумана, котораго Ливингстонъ подготовилъ себѣ въ помощники. Мѣсто для станціи было выбрано не только въ виду красиваго и здороваго положенія ея, но и какъ средоточіе для миссіонерской дѣятельности: не вдалекѣ отъ нея находилось болѣе 10 деревень, доступъ въ которыя былъ не труденъ. Въ Маботсѣ съ Ливингстономъ произошелъ случай, едва не стоившій ему жизни. На него напалъ левъ во время облавы на этихъ животныхъ, жестоко опустошавшихъ окрестности Маботсы. Левъ, который упалъ было отъ выстрѣла Ливингстона, неожиданно приподнялся и бросился на смѣльчака; онъ опрокинулъ Ливингстона и сталъ уже на него передними лапами, но Мебальвъ, тщетно старавшійся выстрѣлить въ страшнаго звѣря, привлекая къ себѣ его вниманіе, и левъ оставилъ своего распростертаго врага, чтобы обрушиться на его товарища; грозный хищникъ нанесъ тяжелое пораненіе послѣднему, котораго въ свою очередь спасъ дикарь, вылеченный Ливингстономъ отъ смертельной болѣзни; едва-ли однако дикарь справился-бы при помощи одного копья съ такимъ противникомъ, если-бы пули, выпущенныя Ливингстономъ ранѣе, не оказали своего дѣйствія, и левъ не упалъ мертвымъ. Отъ нападенія льва у Ливингстона оказалась сломанной лѣвая рука и отъ его зубовъ—одиннадцать ранъ на той-же рукѣ. Несчастный миссіонеръ могъ спастись отъ этихъ поврежденій только благодаря своему врачебному искусству, но отъ неправильно сросшагося перелома лѣвая рука его оставалась ослабленной до конца жизни.

Мужество, выказываемое Ливингстономъ при всякой опасности, и ласковое обращеніе съ туземцами, къ которымъ онъ всегда относился, какъ къ дѣтямъ, все болѣе и болѣе приобрѣтали ему сочувствіе окрестнаго темнокожаго населенія. Показывая дикарямъ примѣръ христіанской жизни своей неизмѣнной кротостью и справедливостью, Ливингстонъ укрѣплялъ въ нихъ истины религіи, дружески сближаясь со многими изъ нихъ и поучая ихъ на ихъ родномъ языкѣ. Въ то-же время онъ изучалъ болѣзни, господствующія среди кафровъ, лечилъ ихъ настолько удачно, что пациенты къ нему приходили за 200 верстъ и занимался географическими и естественно-научными изслѣдованіями страны, избранной имъ для своего мѣстопробыванія. Удивительное сочетаніе разнообразныхъ нравственныхъ и умственныхъ интересовъ съ замѣчательной подвиж-

жностью и впечатлительностью мысли, на какое онъ былъ способенъ, лучше всего видно изъ его писемъ къ роднымъ, писанныхъ изъ Маботсы. Въ одномъ изъ этихъ писемъ на первой страницѣ онъ изливаетъ все обиліе христіанской любви, которой полно его сердце, и съ величайшей грустью рассказываетъ о смерти одного изъ своихъ спутниковъ, умершаго отъ лихорадки, а на слѣдующей страницѣ чертитъ карту страны бакатла со всѣми ея рѣками и горами и заканчиваетъ письмо полусушевыми, получувствительными стихами. Самъ постоянно нуждаясь въ деньгахъ, которыхъ ему отпускалось немного, при этомъ письмѣ онъ предлагаетъ вексель въ 10 ф. стерлинговъ (85 руб.) для своихъ родныхъ.

Лѣтомъ 1844 года Ливингстонъ женился на Маріи Моффатъ, старшей дочери своего друга, миссіонера въ Куруманъ. Онъ измѣнилъ прежнему намѣренію остаться одинокимъ ради лучшаго успѣха своего дѣла. Его жена, стоявшая близко къ миссіонерской дѣятельности, какъ дочь миссіонера и уроженка Африки, могла быть въ высшей степени полезна мужу, оказывая вліяніе на женскую часть населенія. Передъ женитьбой Ливингстонъ выстроилъ для себя небольшой отдѣльный домикъ и послѣ свадьбы поселился въ немъ съ женой. Но ему не удалось наладить дѣло миссіи въ Маботсѣ. Кафры любили Ливингстона, но не охотно слѣдовали стѣснительнымъ для нихъ правиламъ христіанскаго ученія, и Ливингстонъ не могъ добиться, чтобы ихъ дѣти правильно посѣщали школу. Къ этимъ неудачамъ присоединились несогласія съ другимъ миссіонеромъ, жившимъ въ Маботсѣ. Ливингстонъ, не желая смущать своихъ темнокожихъ друзей раздоромъ между христіанскими священниками, рѣшилъ оставить выстроенный имъ домъ съ разведеннымъ при немъ садомъ и удалиться изъ Маботсы. Онъ направился къ Сечелю, начальнику племени бакуэна, съ которымъ еще въ прежнія поѣздки въ эту мѣстность завязалъ дружественныя отношенія, и устроилъ новую станцію въ Чонуанъ, въ странѣ бакуэновъ, верстахъ въ 14 отъ Маботсы. Переселеніе истощило его средства настолько, что жена его стала видимо слабѣть отъ недостатка питанія; ему пришлось съѣздить въ Куруманъ, чтобы приобрести необходимое денежное пособіе. Впрочемъ ему не долго удалось прожить въ Чонуанъ. Сечель выказывалъ полное расположеніе не только къ самому проповѣднику, но и къ его ученію и даже предлагалъ Ливингстону своей властью обратиться въ христіанство всѣхъ подвластныхъ ему кафровъ; однако

страшная засуха вскорѣ заставила Сечеля и все его племя искать другого мѣста для жительства. Ливингстонъ совѣтовалъ поселиться на берегу невысыхающей рѣки и провести изъ нея воду для орошенія окрестныхъ полей. Его совѣтъ былъ принятъ, и племя бакуэна направилось къ рѣкѣ Колобентъ, въ 12 верстахъ отъ Чонуана. Тотчасъ-же былъ вырытъ каналъ, который оказался чрезвычайно полезнымъ для переселенцевъ. Для миссиі было отведено мѣсто на небольшомъ скалистомъ возвышеніи надъ Колобентомъ, и новая станція стала называться именемъ этой рѣки. Ливингстону пришлось въ третій разъ строить себѣ жилище, что было для него особенно трудно съ больной рукой. Жена его должна была готовить кушанье, шить платье, готовить мыло и свѣчи и въ то-же время ходить за двумя дѣтьми. Здѣсь дѣло миссиі шло успѣшнѣе: народъ сходилъ на воскресныя службы, посылалъ дѣтей въ школу, и Сечель рѣшился наконецъ отпустить своихъ женъ, принявъ крещеніе. Тѣмъ не менѣе это обращеніе было единственнымъ; остальные бакуэны, не смотря на все расположеніе къ Ливингстону, не хотѣли слѣдовать примѣру своего начальника. Быть можетъ, обращеніе Сечеля имѣло-бы другое дѣйствіе, если-бы бакуэновъ не постигло новое бѣдствіе, въ видѣ такой сильной засухи, что Колобентъ высохъ и дно его оказалось усыяннымъ мертвой рыбой. Слѣдующій годъ былъ такимъ-же сухимъ и просо засохло, не созрѣвши. Кафрамъ, наряду со многими другими дикарями, свойственно повѣрье, что нѣкоторые люди обладаютъ волшебнымъ искусствомъ низводить дождь на землю. Это искусство приписывается, между прочимъ, начальникамъ племени, и Сечель прежде славился имъ. Теперь онъ уже не соглашался поддерживать репутацію колдуна, и бакуэны обвиняли въ томъ Ливингстона. Они увѣряли, что любятъ его такъ, какъ могутъ любить только человѣка, родившагося среди нихъ, но въ то-же время упрашивали прекратить на нѣкоторое время проповѣди и молитвы, чтобы не мѣшать Сечелю низвести дождь.

ГЛАВА III.

Три путешествія изъ Колобенга.

Первая попытка проникнуть во владѣнія Себитуана.—Свѣдѣнія объ обширной плодородной странѣ.—Озеро Нгами.—Смерть Себитуана.—Сепеке (Замбези).—Новые планы Ливингстона.—Поѣздка въ Капштадтъ.—Отправленіе семьи въ Англію.—Пріѣздъ въ Линьянти.—Плаваніе по Замбези.

Вѣрный своей идеѣ расширять по возможности сферу вліянія миссіи, Ливингстонъ не думалъ долго оставаться у бакуэновъ. Въ виду постигшаго ихъ бѣдствія и угрожавшей имъ необходимости переселенія, Ливингстонъ долженъ былъ заботиться о перемѣнѣ мѣста своей дѣятельности, на случай если Колобенгъ будетъ покинутъ. Онъ часто слыхалъ отъ Сечеля о могущественномъ начальникѣ Себитуанѣ, державшемъ подъ своею властью нѣсколько племенъ и обитавшемъ къ сѣверу отъ большого озера. О существованіи озера знали и въ Капштадтъ, когда тамъ былъ Ливингстонъ, и теперь онъ чувствовалъ страстное желаніе первымъ увидѣть озеро. По слухамъ, Себитуанъ былъ человѣкъ большого ума и энергіи, и Ливингстонъ надѣялся завязать съ нимъ сношенія, чтобы учредить въ подвластной ему области новую миссіонерскую станцію.

Преслѣдуя эту цѣль, Ливингстонъ выѣхалъ 1-го іюня 1849 г. изъ Колобенга въ сопровожденіи двухъ друзей: англичанъ Освелля и Меррея, и нѣсколькихъ туземцевъ, которые должны были присматривать за быками и лошадьми. Имъ предстоялъ переѣздъ черезъ пустыню Калагари, который Сечель считалъ настолько опаснымъ въ это время года, что отказался ѣхать съ ними. Хотя Калагари не представляетъ такой безжизненной пустыни, какъ Сахара, но къ іюню она настолько высыхаетъ, что люди и животныя съ трудомъ находятъ для себя воду. Ливингстону и его спутникамъ пришлось жестоко страдать отъ недостатка послѣдней. Миражи дразнили путешественниковъ; однажды Освелль

и Ливингстонъ были убѣждены, что видятъ большое озеро, но это было лишь отраженіе солнечныхъ лучей въ высохшемъ солончакѣ. 4-го іюля путники приблизились наконецъ къ широкому водному пространству; это была красивая, многоводная рѣка Зуга, о которой туземцы говорили, что она течетъ изъ озера. Увѣрившись, что слухи не обманули его, что онъ дѣйствительно приближается къ большому прѣсноводному озеру, Ливингстонъ съ облегченнымъ сердцемъ слѣдовалъ по теченію обильной водою рѣки, на берегахъ которой была богатая и разнообразная растительность и часто попадались деревни. Еще болѣе широкія перспективы открылись передъ нимъ, когда онъ дошелъ до впаденія рѣки Таманакля въ Зугу: онъ убѣждался теперь въ справедливости свѣдѣній, полученныхъ отъ бакуэновъ, бывавшихъ въ области, подвластной Себитуану, что Таманакль — одна изъ многочисленныхъ рѣкъ, орошающихъ эту область. вмѣсто громадной песчаной плоской возвышенности, какую ученые предполагали въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда теперь направлялся Ливингстонъ, оказывалась обильно орошенная, а слѣдовательно и плодородная страна. Это открытіе наполняло такимъ восторгомъ душу Ливингстона, что открытіе озера Нгами, къ которому онъ подошелъ 4-го августа, показалось ему уже не столь значительнымъ, какимъ представлялось прежде. Между тѣмъ озеро было громадной водной поверхностью; противоположнаго берега его нельзя было видѣть и, по показаніямъ туземцевъ, нужно было не менѣе трехъ дней, чтобы объѣхать его кругомъ. Себитуанъ жилъ въ 300 верстахъ къ сѣверу отъ озера, но Ливингстонъ на этотъ разъ не могъ достигнуть до него. Лечулатебъ, начальникъ племени бакобовъ, жившаго у озера Нгами, желалъ видѣть у себя Ливингстона, но не хотѣлъ, чтобы тотъ ѣхалъ къ Себитуану: онъ опасался, что послѣдній приобрѣтетъ ружья отъ Ливингстона и его спутниковъ и станетъ еще сильнѣе. Поэтому онъ запретилъ подвластнымъ ему бакобамъ оказывать Ливингстону необходимую для него помощь при переправѣ черезъ Зугу. Ливингстонъ пробовалъ построить собственными средствами плотъ для переправы, несмотря на опасность отъ водившихся здѣсь въ множествѣ крокодиловъ; однако работа оказалась ему не по силамъ и время года было слишкомъ позднее. Онъ рѣшился выступить въ обратный путь, съ тѣмъ чтобы въ другое время возобновить свою попытку проникнуть къ Себитуану.

То, что сдѣлалъ Ливингстонъ даже въ это первое путешествіе, не удавалось еще никому изъ путешествовавшихъ по Южной Африкѣ. Лондонское географическое общество, узнавъ изъ отчетовъ Ливингстона миссіонерскому обществу о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ, прислало ему свою благодарность и 25 гиней награды. Это было первое признаніе научныхъ заслугъ Ливингстона и первое оглашеніе его имени въ научномъ мірѣ.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго 1850 года Ливингстонъ повторилъ попытку добраться до Себитуана и выѣхалъ изъ Колобенга въ сопровожденіи Сечеля, Мебальва, 20 бакуэновъ, жены и дѣтей, которыхъ тогда у него было трое. Ему было такъ тяжело расставаться съ семьей, что онъ рѣшилъ взять ее съ собою, несмотря на опасности, какими грозило путешествіе по безводнымъ или лихорадочнымъ мѣстностямъ. Цѣль путешествія и на этотъ разъ не была достигнута. Оно представило множество затрудненій: по берегамъ Зуги растительность была чрезвычайно густа, и приходилось вырубать деревья, чтобы очищать дорогу для повозокъ; на берегахъ Таманакля оказалась страшная муха цеце, укушеніе которой смертельно для рогатаго скота и лошадей. Добравъ до озера Нгами, Ливингстонъ хотѣлъ оставить свою семью на попеченіе Лечулатеба, который уже успѣлъ выпросить за то дорогое ружье, но двое дѣтей заболѣли лихорадкой, и Ливингстонъ поспѣшилъ вернуться домой.

Третье, болѣе удачное, путешествіе было предпринято имъ черезъ годъ, въ апрѣлѣ 1851 г. Онъ выѣхалъ изъ Колобенга въ сопровожденіи Освелля и семьи, намѣреваясь перенести свое мѣстопробываніе въ болѣе здоровую мѣстность, которая, по его предположенію, должна была находиться къ сѣверу отъ озера Нгами. Путники ѣхали прежней дорогой и должны были пересѣчь Калагари въ то время, когда пустыня особенно страдала отъ сухости. Проводникъ-бушменъ сбился съ дороги, и втеченіе четырехъ дней путешественники вовсе были лишены воды. Ливингстонъ, вмѣсто того чтобы упрекнуть проводника за неосторожность и выразить опасеніе за участь дѣтей, рассказываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ эти дни онъ сблизился съ проводникомъ и всего болѣе сожалѣлъ, что такой способный и правдивый народъ, какъ бушмены, лишены свѣта христіанской вѣры.

Дѣти Ливингстона жестоко страдали отъ тяжелыхъ переѣздовъ и укушеній москитовъ, и онъ все болѣе и болѣе сознавалъ

невозможность путешествовать вмѣстѣ съ ними; съ другой стороны ни въ Колобегѣ, ни въ Куруманѣ нельзя было оставить ихъ съ увѣренностью за ихъ безопасность, въ виду нападений голландскихъ поселенцевъ (буровъ), ярыхъ противниковъ англійской миссиі, препятствовавшей имъ эксплуатировать мѣстное населеніе. Для Ливингстона представлялся только одинъ исходъ—отправить семью въ Англію, въ надеждѣ, что современемъ она вернется къ нему, когда онъ найдетъ здоровую и спокойную мѣстность во владѣніяхъ Себитуана.

На Себитуана Ливингстонъ возлагалъ большія надежды. Народная молва прославляла этого могущественнаго вождя за его мужество и умѣнье покорять людей не только силой, но и добротой. Ливингстону было извѣстно, что Себитуанъ давно уже желаетъ его видѣть и встрѣтить его вполне благосклонно. Приобрѣсти расположеніе властителя обширной страны было дѣломъ весьма важнымъ для успѣха миссиі; можно было рассчитывать, что въ обширныхъ предѣлахъ, въ которыхъ распространялась власть Себитуана, окажется, наконецъ, здоровое и удобное мѣсто для миссіонерскаго пункта, какого искалъ Ливингстонъ. Пріемъ Себитуана какъ нельзя болѣе соответствовалъ его ожиданіямъ. Онъ выѣхалъ навстрѣчу бѣлымъ людямъ (Ливингстону и Освеллю), выказалъ большую радость при свиданіи съ ними и просилъ ни о чемъ не заботиться, такъ какъ онъ доставитъ имъ все необходимое. Ливингстонъ называетъ Себитуана „безспорно самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ во всей этой странѣ“; онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, со свѣтло-коричневымъ цвѣтомъ кожи, и обращеніе его отличалось достоинствомъ и добродушіемъ, какого Ливингстонъ не видалъ ни у одного изъ африканскихъ властителей. Онъ подарилъ гостямъ нѣсколько быковъ и кружекъ меду и нѣсколько выдѣланныхъ бычачьихъ шкуръ, которыя должны были замѣнять одѣялы. На другой день пріѣзда европейцевъ, еще до разсвѣта, Себитуанъ пришелъ къ Ливингстону и Освеллю, усѣлся у костра и разсказалъ имъ свою исторію, какъ онъ изъ начальника небольшого племени сдѣлался властителемъ многихъ племенъ, разселенныхъ на обширномъ пространствѣ. Себитуанъ присутствовалъ на первомъ богослуженіи въ слѣдующее воскресенье, и Ливингстонъ искренно радовался, что на его долю выпало возвѣстить евангельскія истины выдающемуся властелину невѣдомой страны. Себитуанъ относился къ нему съ безуслов-

нымъ довѣріемъ и сближеніе ихъ возросло со дня на день, но ему скоро наступилъ неожиданный и ужасный конецъ: Себитуанъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и умеръ послѣ двухнедѣльной болѣзни. Ливингстонъ не рѣшился взять на себя его леченіе, опасаясь, что неудачный исходъ болѣзни можетъ навлечь мсть на него самого и на его семью со стороны приближенныхъ и подчиненныхъ Себитуана.

Смерть Себитуана была тяжелымъ ударомъ для Ливингстона, который уже надѣялся распространить христіанское ученіе въ обширной странѣ, гдѣ о немъ еще не слыхали. Власть умершаго вождя переходила по закону страны къ старшей дочери его, Мамочисанѣ, и та дала Ливингстону разрѣшеніе объѣхать всѣ ея владѣнія. Ливингстонъ и Освелль двинулись въ сѣверовосточномъ направленіи, проѣхали черезъ городъ Линьянти, служившій столицей Себитуана, и 3-го августа очутились на берегу величественной рѣки. Эта рѣка, называвшаяся здѣсь Сешеке, была Замбези, которая въ то время была извѣстна лишь въ своемъ нижнемъ теченіи. Открытіе Ливингстона, указывавшее, что Замбези протекаетъ въ этой странѣ, было величайшей новостью для географовъ и считается однимъ изъ важнѣйшихъ открытій знаменитаго путешественника. На этотъ разъ онъ не могъ осмотрѣть ни пороговъ, находящихся выше, ни водопадовъ, встрѣчающихся ниже того мѣста, гдѣ онъ видѣлъ Замбези; убѣдившись, что берега этой рѣки, густо поросшіе тростникомъ, неудобны для поселенія и не безопасны отъ нападеній враждебныхъ племенъ, Ливингстонъ отказался отъ мысли устроить здѣсь миссіонерскій пунктъ и рѣшился предпринять обратную поѣздку въ Колобентъ.

Во время этого пути у него еще родился ребенокъ, котораго онъ въ честь своего друга, назвалъ Уильямъ-Освелль-Ливингстонъ. Старшій сынъ его нѣсколько разъ подвергался опаснымъ приступамъ лихорадки. Затрудненія, какія испытывала семья Ливингстона, чрезвычайно заботили его, но ни мало не отклоняли отъ намѣренія по возможности расширять сферу вліянія христіанской миссіи, въ чемъ онъ видѣлъ исполненіе своего главнѣйшаго долга. Слава знаменитаго путешественника, которую онъ пріобрѣталъ съ каждымъ новымъ открытіемъ, не столько занимала, сколько смущала его. Въ своихъ письмахъ Ливингстонъ даже отвергаетъ возможность предположенія, будто онъ ищетъ этой славы. „Я миссіонеръ душой и тѣломъ, пишетъ онъ

отцу.—Богъ послалъ на землю Своего Сына, который былъ миссіонеромъ и врачомъ, и я желалъ-бы идти по Его слѣдамъ, насколько достанетъ моихъ силъ; въ этомъ служеніи я надѣюсь жить и въ немъ хотѣлъ-бы умереть“. Въ то время у него возникла и другая великая идея—уничтоженіе торговли невольниками путемъ открытія сообщеній съ моремъ внутреннихъ странъ Африки, чтобы обитатели послѣднихъ могли вымѣнивать европейскіе товары на мѣстные произведенія, вмѣсто живыхъ людей.

* *
*

Ливингстонъ нашелъ Колобентъ покинутымъ бакуэнами. Голландскіе колонисты напали на нихъ, угнали скотъ и увели у Сечеля дѣтей: они мстили ему за преданность англійскому миссіонеру. Какъ ни тяжело было Ливингстону покидать бакуэновъ, среди которыхъ ему пришлось прожить такъ долго, но, въ виду дальнѣйшихъ намѣреній, онъ считалъ это необходимымъ. Миссіонеръ поѣхалъ сперва въ Куруманы и оттуда въ Капштадтъ. Денежныя затрудненія его были такъ велики, что онъ не могъ шить себѣ новаго платья взамятъ давно износившагося втеченіе одиннадцати-дѣтихъ переѣздовъ. И на этотъ разъ его выручилъ „лучшій другъ, какой у него когда-либо былъ въ Африкѣ“, Освелль. Тому стоило однако большого труда уговорить его принять часть денегъ, полученныхъ отъ продажи слоновыхъ клыковъ, добытыхъ имъ на охотѣ во время поѣздокъ съ Ливингстономъ. Въ то время англичане вели войну съ кафрами и сочувствіе, открыто высказываемое Ливингстономъ притѣсняемымъ дикарямъ, навлекало на него неудовольствіе администраціи, обвинявшей всѣхъ миссіонеровъ, заступавшихся за дикарей, въ недостаткѣ патріотизма. Ливингстонъ рѣшился наконецъ отправить жену и дѣтей въ Англію. Въ письмѣ къ директорамъ миссіонерскаго общества онъ объясняетъ, что рѣшается отдать дѣло воспитанія своихъ дѣтей въ чужія руки, не желая, чтобы они были людьми безъ родины, какими должны быть дѣти миссіонера, не пользующагося сочувствіемъ и поддержкой своихъ соотечественниковъ...

Семья его уѣхала изъ Капштадта 23 апрѣля 1852 г. Онъ долженъ былъ пробыть еще два мѣсяца въ Капштадтѣ, преодолевая всевозможныя препятствія со стороны администраціи, отказывавшей ему даже въ продажѣ пороха и свинца. Это время онъ употребилъ на то, чтобы избавиться отъ опухоли на шеѣ,

давно уже мучившей его, и на изученіе приемовъ опредѣленія широты и долготы мѣстъ подъ руководствомъ астронома Мак-лира. Лишь 8-го іюня оставилъ онъ Капштадтъ, причемъ могъ достать для своей поѣздки только тощихъ и изнуренныхъ быковъ, хотя поклажа его была значительна, вслѣдствіе множества посылокъ, которыя надавали ему для попутныхъ городовъ и станцій; поэтому онъ достигъ Курумана лишь въ самомъ концѣ августа, но былъ задержанъ тамъ поломкой колеса. Однако это промедленіе спасло ему жизнь. Если-бы онъ еще въ августѣ попалъ въ Колобонгъ, то не избѣжалъ-бы яростнаго нападенія враждебныхъ ему буровъ, въ его отсутствіе разграбившихъ его домъ; все, что было цѣннаго, они унесли съ собою, а остальное переломали или перебили. Ливингстонъ былъ теперь лишенъ всего своего имущества, но онъ высказывалъ сожалѣніе только о книгахъ и былъ скорѣе доволенъ, чѣмъ огорченъ, освобожденіемъ отъ лишнихъ заботъ.

Знаменитый путешественникъ зналъ, что буры угрожаютъ ему еще большими затрудненіями: считая его вліяніе на темно-кожее населеніе безусловно вреднымъ для себя, они рѣшились не пропускать его въ глубь Африки. А Ливингстонъ въ своемъ намѣреніи пройти во внутреннія, еще неизвѣстныя страны и внести въ нихъ свѣтъ христіанства видѣлъ дѣло своей жизни и писалъ своему тестю Моффату, что онъ или проникнетъ въ эти отдаленныя области, или погибнетъ. Безпокойное состояніе страны долго не позволяло ему найти проводниковъ, какіе были нужны, чтобы достигнуть владѣній Себитуана. Только въ концѣ декабря 1857 г. онъ могъ оставить Куруманъ въ сопровожденіи Джорджа Флеминга и торговца Реттерфурда. Онъ уклонился къ западу отъ прежняго направленія, желая обойти мѣстности, населенныя бурами, и въ іюнѣ 1853 г. прибылъ въ Линьянти, столицу макалоловъ, составлявшихъ главное ядро подданныхъ Себитуана. На своемъ пути Ливингстонъ долженъ былъ преодолѣть множество трудностей и опасностей. Ему пришлось перебраться черезъ такую сухую часть Калагари, что жившіе тамъ бушмены вытягивали воду изъ ила съ помощью страусовыхъ перьевъ. Чтобы доставить быкамъ хоть самое небольшое количество влаги, эти жалкіе водопои надо было тщательно защищать отъ носороговъ и другихъ крупныхъ травоядныхъ животныхъ степи. Далѣе предстояло пройти черезъ громадный солончакъ. За нимъ начиналась болѣе плодо-

родная страна съ обильной травяной растительностью и лѣсами; но затѣмъ потянулись пространства, столь густо заросшія кустарникомъ, что дорогу надо было прокладывать съ величайшими усиліями, при помощи топора. Потомъ передъ путниками открылась равнина, едва просыхавшая отъ недавняго наводненія; съ сырой почвы поднимались испаренія, причинявшія сильныя лихорадки. Даже дикари страдали отъ нихъ; болѣзнь къ счастью не коснулась Ливингстона, но ему приходилось ухаживать одному за всѣми больными и для продовольствія ихъ охотиться на зебръ и буйволовъ. Путникамъ приходилось идти то густыми лѣсами, гдѣ нужно было рубить большія деревья для очищенія пути, то травянистыми степями, въ которыхъ трава была выше повозокъ, то пространствами, покрытыми водою, гдѣ Ливингстонъ по нѣскольکو часовъ оставался по поясъ въ водѣ, помогая выгонять оттуда быковъ и вытаскивать повозки. Эти водныя пространства были разливы рѣки Чобе, одного изъ крупныхъ притоковъ Замбези. Дойдя до широкой рѣки, Ливингстонъ узналъ, что это—Саншуре, юговосточный рукавъ Чобе, и хотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы проникнуть въ Чобе, на которой стоитъ Линьянти. Цѣлыми днями, по шею въ водѣ, онъ искалъ со своими людьми переправы и, не найдя ее, пустился вплавь на плоту, рассчитывая попасть въ Чобе. Послѣ цѣлаго дня тяжелой работы, они уперлись въ сплошную стѣну изъ камыша саженной высоты. Осмотрѣвъ на другой день мѣстность съ высокаго дерева, Ливингстонъ увидѣлъ громадное водное пространство и узналъ, что это самая широкая часть Чобе. Взявъ себѣ въ помощь одного изъ спутниковъ, онъ пытался попасть на ближайшій изъ острововъ. Имъ пришлось пробиваться черезъ камышъ и черезъ острую траву, края которой разсѣкали имъ платье и тѣло. Чтобы пройти черезъ камышевую чащу, настолько высокую, что Ливингстонъ чувствовалъ себя передъ нею карликомъ, нужно было пригнетать камышъ и траву, пока на нихъ возможно было стать ногами. Добравшись до острова, они увидали, что открытое водное пространство находилось оттуда на разстояніи около 25 саженъ и что водяныя растенія были здѣсь еще выше и толще. Къ счастью они нашли проходъ, сдѣланный бегемотами, и, по шею въ водѣ, добрались до открытой рѣки. Весь караванъ трудно было провести этимъ путемъ. На слѣдующее утро Ливингстонъ, поднявшись на муравыную кучу, достигавшую 4 саженъ вы-

соты, увидалъ проходъ въ Чобе и рѣшилъ пуститься въ путь на плоту, хотя ширина рукава доходила здѣсь до 50 сажень. Путники наѣхали на бегемота, который едва не опрокинулъ плотъ; отъ полудня до солнечнаго заката они плыли, ничего не видя, кромѣ громадныхъ зарослей камыша по обоимъ берегамъ, и уже готовились провести ночь на плоту, когда ихъ неожиданно увидали жители деревни Мореми, населенной макололами, которыми управлялъ старшина, знакомый Ливингстону. Съ помощью, присланныхъ имъ людей, Ливингстонъ вернулся къ своимъ повозкамъ, и узналъ, что изъ числа его быковъ 10 пали отъ укушеній мухи цеце. Однако черезъ нѣсколько дней явились люди, присланные изъ Линьянти, и провели караванъ Ливингстона до этого города.

За время отсутствія Ливингстона изъ страны макололовъ тамъ произошла новая перемѣна правленія: Мамочисана отказалась отъ власти въ пользу своего брата Секелета. Послѣдній былъ 18-ти-лѣтній юноша, не наслѣдовавшій отъ отца ни физическихъ, ни умственныхъ качествъ, но все-таки дружески расположенный къ Ливингстону. Макололы, въ ожиданіи Ливингстона, обработали для него небольшое пространство земли, которое засѣяли маисомъ; маисъ былъ снятъ, истолченъ въ муку и въ этомъ видѣ переданъ Ливингстону; Секелетъ прислалъ еще ему и его спутникамъ нѣсколько кружекъ меду и большой запасъ земляныхъ орѣховъ; каждое утро и каждый вечеръ имъ приносили удои отъ двухъ коровъ и кололи еженедѣльно одного или двухъ быковъ. Хотя Секелетъ не обнаруживалъ желанія принять христіанство, чтобы не разставаться со своими женами, однако онъ не препятствовалъ Ливингстону собирать народъ для слушанія чтенія Библии и толкованія ея. Макололы сходились въ числѣ 600—700 человекъ на проповѣдь Ливингстона и со вниманіемъ слушали его. Многихъ, въ томъ числѣ тестя Секелета и его самого, Ливингстонъ пробовалъ учить читать, и послѣ первыхъ затрудненій дѣло, вѣроятно, пошло-бы успѣшно, если-бы Ливингстонъ дольше остался въ Линьянти. Покровительство Секелета и любовь населенія не могли уравновѣснить опасности, какую представляло пребываніе въ Линьянти вслѣдствіе свойственныхъ ему лихорадокъ. Ливингстонъ непремѣнно хотѣлъ изслѣдовать всю страну, подвластную Секелету, въ надеждѣ найти гдѣ-либо болѣе здоровую мѣстность. Секелетъ, послѣ тщетныхъ

попытокъ склонить Ливингстона остаться въ Линьянти, объявилъ, что самъ приметъ участіе въ его путешествіи и подарилъ ему нѣсколько цѣнныхъ слоновыхъ клыковъ.

Въ сопровожденіи Секелета и 160 подчиненныхъ его, Ливингстонъ направился въ страну баротсоевъ, покоренныхъ макололами. Вскорѣ они пришли къ Замбези, гдѣ должны были ожидать нѣсколько дней, пока сосѣднія деревни выслали достаточное количество лодокъ для ихъ движенія по рѣкѣ. Плаваніе по Замбези доставило большую отраду Ливингстону. На величественной рѣкѣ лѣса подступаютъ мѣстами къ самымъ берегамъ, а въ другихъ мѣстахъ далеко отходятъ отъ нихъ, открывая обширныя травянистыя пространства. Эти прибрежныя мѣстности, ежегодно орошаемыя наводненіемъ Замбези, отличаются замѣчательнымъ плодородіемъ, и обитателямъ ихъ не приходится терпѣть нужды, какую испытываютъ жители болѣе сухихъ странъ Африки. Продолжая отыскивать мѣстность, безопасную для здоровья блага челоуѣка, Ливингстонъ разстался съ Секелетомъ и отправился далѣе вверхъ по Замбези. Онъ доѣхалъ до слиянія Лобы съ Замбези, не найдя того, чего искалъ: всѣ осматрѣнныя мѣстности или грозили лихорадкою, или въ нихъ водилась муха цеце. Во время пребыванія въ странѣ баротсоевъ Ливингстонъ, всякій разъ какъ выходилъ на берегъ, проповѣдывалъ Евангеліе дикарямъ, подготавливая почву для будущихъ миссіонеровъ. Въ своихъ дневникахъ и письмахъ онъ повторяетъ твердое желаніе дать возможно большому числу людей хотя нѣкоторое понятіе объ ученіи Христа, предоставляя обращеніе отдѣльныхъ лицъ будущимъ дѣателямъ миссіи. Ни болѣзнь, ни безуспѣшныя попытки основать прочное миссіонерское поселеніе въ странѣ Секелета не ослабляли его энергіи. Вернувшись въ Линьянти, Ливингстонъ сталъ готовиться къ открытію новаго пути къ западному берегу.

ГЛАВА IV.

Открытие новаго пути къ западному берегу Африки.

Выступленіе изъ Линьянти.—Переходъ до Либы.—Страна Луида.—Начальники Шинтъ и Катема.—Озеро Дилоло.—Водораздѣль сѣверныхъ и южныхъ рѣкъ.—Враждебныя племена.—Рѣка Кванго.—Португальскія поселенія.—Пребываніе въ С. Паоло де Лоанда.—Возвращеніе въ Линьянти.

Путешествіе, какое теперь предпринималъ Ливингстонъ, было несравненно труднѣе и опаснѣе прежнихъ. Признавая необходимымъ для просвѣщенія Африки и уничтоженія торговли невольниками открыть путь извнутри материка къ Атлантическому океану, онъ задумалъ направить его къ С. Паоло де Лоанда. Дорога изъ Линьянти въ С. Филиппо де Бенгуэла была уже извѣстна, но ею пользовались торговцы невольниками, и Ливингстонъ хотѣлъ обойти ее. Ему предстояло проходить странами, въ которыхъ никогда не видали европейца, и почти безъ всякихъ средствъ. За исключеніемъ слоновыхъ клыковъ, подаренныхъ Секелетомъ, нѣсколькихъ быковъ и незначительнаго запаса кофе, платья и проч., Ливингстону нечего было взять съ собою. Живая вѣра въ то, что Богъ охраняетъ и направляетъ его, какъ орудіе просвѣщенія язычниковъ Африки, однако не оставляла Ливингстона и не позволяла ему колебаться. Онъ имѣлъ въ виду, что ему, быть можетъ, уже не удастся вернуться; въ его дневникахъ сохранились строки, въ которыхъ онъ поручаетъ дѣтей Богу и проситъ друзей передать имъ на память о немъ его часы, медаль парижскаго географическаго Общества и двухствольное ружье—все, что онъ могъ оставить имъ.

Болѣзненное состояніе, въ которомъ находился Ливингстонъ послѣ продолжительной и упорной лихорадки, не остановило его. Пользуясь приближеніемъ болѣе прохладнаго и влажнаго времени года, 11-го ноября 1853 г. онъ выступилъ изъ Линьянти съ 27-ю

спутниками. По извилистому теченію Чобе экспедиція спустилась къ Замбези и по этой рѣкѣ поднялась вверхъ до города Сешека. Мучимый приступами лихорадки, Ливингстонъ остановился тамъ и, несмотря на упадокъ силъ, произносилъ поученія передъ собиравшимися къ нему туземцами. Нѣсколько оправившись, онъ продолжалъ путь вверхъ по рѣкѣ и 9-го декабря прибылъ въ г. Налиле, столицу Секелета. Періодъ дождей уже начался, но термометръ на открытомъ воздухѣ все еще не опускался ниже 26° Р. Теплый и сырой воздухъ усиливалъ приступы перемежающейся лихорадки, къ которой присоединилась еще дисентерія. Тѣмъ не менѣе Ливингстонъ, напутствуемый самыми сердечными пожеланіями туземцевъ, оставилъ Налиле и 27-го декабря достигъ устья Либы. Отсюда начиналась вполнѣ неизвѣданная страна Лунда, населенная балундами, платившими дань могущественному властителю, носившему титулъ „Матіамво“ и жившему далѣе къ сѣверу. До того времени Ливингстонъ находился въ границахъ кафрской расы; теперь онъ вступалъ въ предѣлы населенія настоящихъ негровъ. Бѣлый человѣкъ здѣсь былъ невиданнымъ явленіемъ, и балунды съ удивленіемъ разсматривали Ливингстона. Къ его спутникамъ изъ племени макололовъ балунды относились враждебно, такъ какъ находились въ войнѣ съ ихъ народомъ. Ливингстону удалось убѣдить балундовъ, что онъ пришелъ съ мирными намѣреніями и внушить имъ настолько довѣрія, что начальница поселенія, Ньямоана, приняла его въ открытой аудіенціи. Ея дочь Маненка, начальница другой деревни, вызвалась даже сама проводить Ливингстона къ своему дядѣ Шинту, начальствовавшему надъ племенемъ, жившимъ въ сторонѣ отъ Либы. Ливингстонъ долженъ былъ согласиться на это предложеніе: ему объяснили, что на Либѣ его ожидали пороги и сопровождавшимъ его макололомъ могло угрожать непріязненное имъ племя, жившее къ западу отъ рѣки.

11-го января 1854 г. его караванъ выступилъ подъ предводительствомъ Маненки. Мѣстность, по которой приходилось идти, была покрыта лѣсомъ, чередовавшимся съ травянистыми пространствами. Два первые дня шелъ сильный дождь, вызывавшій у Ливингстона жестокіе приступы лихорадки; несмотря на содѣйствіе Маненки, продовольствіе можно было добывать только съ величайшимъ трудомъ и въ количествѣ далеко не достаточномъ. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ лѣсъ становился гуще и дорогу приходилось прокладывать топорами. Изрѣдка лѣсная чаща открывала

видъ на красивую долину или на равнину съ горами на горизонтѣ. Маненка остановилась въ деревнѣ, находившейся вблизи отъ города, гдѣ жилъ ея дядя, чтобы, по обычаю страны, извѣстить его о прибытіи чужеземцевъ и попросить его разрѣшенія войти въ городъ. Шинтъ немедленно прислалъ сказать, что бѣлый человѣкъ можетъ безпрепятственно пройти черезъ его страну. 16-го января Ливингстонъ вошелъ въ столицу Шинта, въ которой увидалъ четырехъугольные дома съ круглыми крышами и сады, гдѣ воздѣлывались табакъ, сахарный тростникъ и бананы. Шинтъ принялъ его весьма радушно и выразилъ полное одобреніе намѣренію Ливингстона установить продажу мѣстныхъ произведеній европейцамъ. Ливингстонъ пытался проповѣдывать и балундамъ, но нашелъ у нихъ идолопоклонство въ сильнѣйшемъ развитіи и множество суевѣрій, которыхъ не было у кафровъ. Ему удалось занять ихъ только картинами изъ Священнаго писанія, которыя онъ показывалъ имъ съ помощью волшебнаго фонаря. Жестокіе ливни принудили Ливингстона пользоваться гостепріимствомъ Шинта долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, а именно втеченіе десяти дней. При отъѣздѣ Ливингстона, Шинтъ подарилъ ему ожерелье съ дорого цѣнимой тамъ конической раковиной и даль проводника, который долженъ былъ заботиться о продовольствіи путешественниковъ въ подвластной ему странѣ. Но проводникъ ничего не могъ доставить имъ, кромѣ корня маньока, непріятнаго на вкусъ и мало питательнаго. Переправившись черезъ Либу, составляющую границу владѣній Шинта, путники очутились на обширной равнинѣ, покрытой водою вслѣдствіе непрерывныхъ дождей. Нужно было переходить еще черезъ мелкіе притоки Либы, и Ливингстону, ѣхавшему на быкѣ, вода доходила почти до колѣнъ, а иногда выше пояса. Наконецъ, мѣста, покрытыя водою, были пройдены, и путешественники, дойдя до береговъ Локалуи, впадающей съ сѣверовостока въ Либу, оказались въ плодородной странѣ, гдѣ цѣлый годъ сѣютъ и жнутъ. Попытки Ливингстона говорить съ туземцами объ ученіи Христа имѣли здѣсь всего менѣе успѣха, вслѣдствіе незнакомства съ ихъ языкомъ, вынуждавшаго его обращаться къ помощи переводчика, и вслѣдствіе слишкомъ первобытныхъ религіозныхъ воззрѣній этихъ людей.

Въ половинѣ февраля Ливингстонъ пришелъ къ городу, которымъ управлялъ Катема, властитель обширной страны. Катема благосклонно принялъ миссіонера, и, узнавъ о цѣли его путешествія, даль

ему трехъ проводниковъ, объяснивъ, что хотя путь въ сѣверовосточномъ направленіи ближе, но теперь онъ находится подъ водою и путникамъ слѣдуетъ идти къ сѣверу. На дальнѣйшемъ пути Ливингстонъ открылъ озеро Дилоло. За нимъ лежала обширная травянистая равнина, покрытая водою. Пройдя ее и очутившись опять въ населенной странѣ, находившейся подъ властью Катенда, Ливингстонъ убѣдился, что оставшаяся позади его равнина составляетъ водораздѣлъ между южными и сѣверными рѣками: рѣки, какія ему приходилось встрѣчать на дальнѣйшемъ пути, уже впадали въ Кассаи, которая впослѣдствіи оказалась притокомъ Конго. Характеръ мѣстности тутъ былъ уже иной: вмѣсто лѣсистыхъ и травянистыхъ равнинъ, перерѣзываемыхъ широкими рѣками, здѣсь часто попадались глубокія долины, въ которыхъ протекали рѣчки, теперь разлившіяся отъ дождей. Переправа черезъ нихъ составляла главнѣйшее препятствіе при дальнѣйшемъ слѣдованіи каравана. Затрудненія усиливались еще алчностью жителей, испорченныхъ соприкосновеніемъ съ торговцами невольниками и привыкшихъ требовать за всякую ничтожную услугу, даже за право прохода черезъ ихъ страну, богатыхъ подарковъ. Болѣе всего они требовали пороху и бумажныхъ тканей. Но въ порохѣ Ливингстонъ самъ нуждался, а матерій у него не было. Первый изъ начальниковъ, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло, потребовалъ за право прохода черезъ его владѣнія—человѣка, слоновый клыкъ, бусъ и мѣдныхъ колецъ или раковину, но въ концѣ концовъ удовольствовался старой рубашкой. Въ странѣ племени чибоковъ едва не произошло кровопролитіе. За невозможностью достать продовольствіе на мѣстѣ, Ливингстонъ велѣлъ заколоть одного изъ своихъ быковъ и часть его послалъ Ньямби, начальнику племени. Не удовольствовавшись полученнымъ подаркомъ, Ньямби пришелъ съ вооруженными людьми и настойчиво требовалъ выдачи человѣка, быка, ружья, пороху и какой-нибудь одежды. Хотя люди его наступали съ громкими криками и съ обнаженными мечами, а нѣкоторые даже цѣлили изъ ружей въ Ливингстона, тотъ нимало не терялъ хладнокровія и, сѣвъ на дорожный стулъ, съ ружьемъ на колѣняхъ, предложилъ Ньямби занять мѣсто противъ него. Желая придти къ дружелюбному соглашенію съ послѣднимъ, онъ далъ ему бусъ и платокъ, но требованія чибоковъ все возрастали. Провожатые Ливингстона, маколлы, привыкшіе къ военному дѣлу подъ руководствомъ Себитуана, давали понять, что они

легко справятся съ нападавшими чибочками, но Ливингстонъ желалъ во что-бы то ни-стало избѣжать кровопролитія. Отказавшись дать что-либо еще, онъ спокойно выжидаль окончанія тяжелой сцены. Ньямби и его свита поняли опасность, какую имъ угрожали маколлы, и, выпросивъ еще одного быка, удалились, обѣщавъ прислать взаменъ того провизіи для путешественниковъ. На другой день Ливингстонъ получилъ маленькую корзиночку съ овощами и 2—3 фунтами мяса. Жертвы, принесенныя Ливингстономъ, чтобы выдти благополучно изъ этого столкновенія, были тяжелы для него; однако онъ не думалъ о нихъ, радуясь, что человѣческая кровь не была пролита въ эти опасныя для него минуты.

Цѣлую недѣлю путешественникъ не въ силахъ былъ двинуться дальше отъ сильнѣйшихъ приступовъ лихорадки, заставлявшихъ его терять сознаніе. Придя въ себя, онъ увидаль, что люди его обнесли ихъ стоянку частоколомъ и стоятъ на-стражѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Оказалось, что чибочки окружали стоянку и наставляли на первыхъ заявленныхъ ими требованіяхъ. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, Ливингстонъ выдалъ имъ еще одного быка и тотчасъ-же снялся съ мѣста. Пришлось идти густымъ лѣсомъ, гдѣ каждую минуту можно было ожидать засады. Всѣ шли плотно, держась другъ около друга, не произнося ни одного звука. Дождь лилъ потоками и съ наступленіемъ темноты движеніе затруднялось ползучими растеніями. Ливингстону трудно было удерживать своего быка, и въ одномъ мѣстѣ, когда тотъ неожиданно пустился вскачь, онъ упалъ съ него и больно ударился головой. Къ счастью это паденіе не ухудшило состоянія его здоровья. Тѣмъ не менѣе онъ переносилъ тогда жестокія страданія и отъ постоянной лихорадки превратился почти въ скелетъ; шерстяное одѣяло, замѣнявшее ему сѣдло, было всегда такъ мокро, что даже не просыхало на солнцѣ, и ноги его были стерты такъ, что всю дорогу не заживали; отъ жесткаго ложа на землѣ онъ натираль себѣ раны на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обозначались кости на отошавшемъ тѣлѣ.

30-го марта онъ дошелъ до крутого спуска, которымъ оканчивалась плоская возвышенность. Передъ нимъ лежала теперь широкая долина рѣки Кванго. Здѣсь начиналось мѣстообитаніе другого народа башиньевъ, но и тотъ относился къ путешественникамъ такъ же безпощадно, какъ и балунды. Башиньи не давали Ливингстону лодокъ, чтобы переправиться черезъ Кванго,

и онъ напрасно предлагалъ имъ единственную оставшуюся у него вещь, шерстяное одѣяло. Люди его, множество разъ приходившіе въ отчаяніе и требовавшіе возвращенія въ Линьянти, теперь почти не имѣли надежды на благополучный исходъ путешествія, хотя были уже у границы португальскихъ владѣній. Ливингстонъ все-таки совѣтывалъ идти далѣе вверхъ по берегу Кванго, рассчитывая гдѣ-нибудь найти переправу. Трудно сказать, чѣмъ-бы разрѣшилось это затрудненіе, если-бы на помощь путникамъ не явился португальскій сержантъ, Кипріанъ де Абрао. Башиньи преслѣдовали ихъ выстрѣлами; однако сержантъ благополучно провелъ ихъ по узкой тропинкѣ, пролежавшей въ высокой травѣ, до своего жилища. Удерживаемый дождями и усталостью, Ливингстонъ пробылъ пять дней въ гостяхъ у сержанта, который угощалъ путниковъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, и далъ имъ муки изъ маниоковаго корня на дорогу. Черезъ три дня тяжелаго перехода по высокой травѣ, въ которой протекали мелкіе притоки Кванго, караванъ достигъ португальскаго поселенія Кассанга. Когда Ливингстонъ показалъ коменданту свой паспортъ, тотъ съ величайшей любезностью пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. Ливингстонъ съ благодарностью вспоминаетъ, какое удовольствіе доставилъ ему сытный ужинъ и теплая, сухая постель, которыхъ онъ такъ давно былъ лишенъ.

Отъ Кассанга до берега моря оставалось еще около 100 верстъ. Послѣдній переходъ не представлялъ уже прежнихъ затрудненій: въ деревняхъ можно было найти хижины, устроенныя для путешественниковъ; туземцы страны, басонги, были учтивы и сами предлагали покупать у нихъ съѣстные припасы; во всѣхъ поселеніяхъ, гдѣ были португальскіе чиновники, послѣдніе гостепріимно встрѣчали Ливингстона. Это гостепріимство было особенно дорого для него; онъ чувствовалъ себя настолько ослабленнымъ, что забывалъ дни, недѣли, имена своихъ спутниковъ и даже едва-ли-бы могъ назвать свое имя. Конецъ пути пролегалъ по красивой, плодородной мѣстности; но ни богатство страны, ни близость мѣста назначенія не придавали бодрости крайне изнуренному путешественнику. Его тревожилъ вопросъ, какого человека найдетъ онъ въ единственномъ англичанинѣ, котораго ему предстояло встрѣтить въ С. Паоло де Лоанда и съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, какъ съ уполномоченнымъ англійскаго правительства для уничтоженія невольничества въ Западной Африкѣ.

Когда 31-го мая 1854 г. онъ прибылъ наконецъ въ С. Паоло де Лоандо и встрѣтился съ уполномоченнымъ, Эдмундомъ Габріэлемъ, всѣ тревоги его разсѣялись. Габріэль съ первыхъ минутъ свиданія пригласилъ его къ себѣ и оказывалъ ему такую дружбу и заботливость, что Ливингстонъ не могъ желать ничего лучшаго. Во все время пребывания въ Лоандо, продолжавшагося до 20-го сентября, вслѣдствіе возвращенія приступовъ лихорадки и крайней слабости, онъ пользовался величайшей любезностью и самымъ искреннимъ участіемъ представителей португальской администраціи и англійскихъ морскихъ офицеровъ. Послѣдніе настойчиво убѣждали его поѣхать съ ними въ Англію въ виду его крайне ослабленнаго здоровья. Ливингстонъ не могъ согласиться на это заманчивое предложеніе: онъ обѣщавъ провожавшимъ его макололамъ отвести ихъ на родину и хотѣлъ во что-бы то ни стало исполнить свое обѣщаніе.

Онъ предпринялъ обратное движеніе въ Линьянти 20-го сентября 1854 г. Различныя причины задерживали его на пути. Чувствуя себя крѣпче прежняго, онъ занимался теперь опредѣленіемъ широты и долготы многихъ мѣстъ, черезъ которыя проходилъ, внесъ немало поправокъ въ существовавшія до тѣхъ поръ карты приморской португальской провинціи Анголы, дѣлалъ съемки проходимаго пути и изучалъ подробнѣе попутныя страны въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ португальскомъ поселеніи Голунго-Альто Ливингстонъ, найдя больнымъ тамошняго коменданта, сталъ лечить его и управлялъ его хозяйствомъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не выздоровѣлъ. Въ Кассангѣ до него дошла вѣсть, что корабль, который его долженъ былъ везти въ Англію, если-бъ онъ согласился на предложеніе англійскихъ моряковъ, и на которомъ онъ отправилъ свои бумаги, погибъ около острова Мадеры. Ливингстону пришлось возстановливать карты, письма и извлеченія изъ дневниковъ, не дошедшія по назначенію; все это настолько задержало его, что онъ оставилъ предѣлы Анголы лишь въ концѣ февраля 1855 г. Перейдя р. Кванго, Ливингстонъ вновь очутился среди враждебныхъ племенъ и опять нѣсколько разъ подвергался серьезной опасности отъ ихъ нападеній, не говоря уже о болѣзняхъ, постигавшихъ его самого и провожатыхъ, и крайней скудости продовольствія. Дойдя съ величайшимъ трудомъ до владѣній Катемы, путешественникъ вздохнулъ свободнѣе: теперь онъ уже былъ въ области дружественно расположенныхъ къ нему

кафровъ. Въ сентябрѣ 1855 г., проведя годъ въ пути, Ливингстонъ вступилъ въ Линьянти, доведя до него благополучно всѣхъ взятыхъ имъ людей.

Секелеть и жители Линьянти встрѣтили его съ большой радостью и убѣждали остаться у нихъ или по крайней мѣрѣ дать себѣ продолжительный отдыхъ. Всѣ они понимали значеніе того, что сдѣлалъ для нихъ настойчивый миссіонеръ, открывъ новый торговый путь къ морю. И лондонское географическое общество, которому Ливингстонъ послалъ подробный отчетъ о путешествіи въ Лоанду, оцѣнило величайшую важность его открытій, назначивъ ему свою высшую награду—золотую медаль. Президентъ общества лордъ Эллисмеръ отзывался съ удивленіемъ о безпримѣрномъ подвигѣ, совершенномъ Ливингстономъ, который безъ всякихъ средствъ и поддержки, вынося непрерывную борьбу съ болѣзнью и непріязненными дикарями, прошелъ черезъ всю Южную Африку, отъ Капштадта до Лоанды, и открылъ для науки и торговли громадную плодородную область тамъ, гдѣ предполагалась необитаемая пустыня. Но самъ Ливингстонъ не былъ удовлетворенъ результатами своего путешествія: правда, онъ проникъ до западнаго берега, но открытый имъ путь былъ затруднителенъ и опасенъ, и онъ не встрѣтилъ на немъ мѣста вполне удобнаго для основанія миссіонерской станціи. Долгъ миссіонера, которому прежде всего повиновался Ливингстонъ, указывалъ ему необходимость искать удобнаго пути къ противоположному, восточному берегу.

ГЛАВА V.

Путь къ восточному берегу Африки.

Проводы Ливингстона. — Водопады Викторіи. — Страна батоконъ. — Научные выводы Ливингстона. — Враждебныя племена. — Переправа черезъ Замбези. — Прибытіе въ Тете, Сенну и Килиманъ.

Уже въ октябрѣ Ливингстонъ готовъ былъ начать путешествіе къ восточному берегу и, только уступая совѣтамъ туземцевъ, остался еще нѣкоторое время въ Линьянти, въ ожиданіи болѣе влажной и прохладной погоды. Это время онъ посвящалъ леченію больныхъ и проповѣди, причемъ съ радостью могъ убѣдиться, что труды его не пропали даромъ. Онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ маколовъ, и поученія его внимательно выслушивались и запоминались. Мамиръ, отчимъ Секелета, прощаясь съ Ливингстономъ, сказалъ ему: „Иисусъ Христосъ да будетъ съ тобою и да поможетъ тебѣ среди твоихъ враговъ“.

3-го ноября 1855 г. Ливингстонъ выступилъ изъ Линьянти. Его провожалъ Секелетъ съ 200 человекъ. Караванъ былъ отправленъ впередъ, чтобы приготовить ночлегъ, а Ливингстонъ и Секелетъ остановились съ 40 человекъ на границѣ области между Линьянти и Сешекомъ, гдѣ водилась муха цеце. Чтобы избавить животныхъ отъ ея укушенія, надо было сдѣлать переходъ ночью, когда цеце не летаетъ. Ночь была непроницаемо темна и освѣщалась только молніями; лошади пугались, люди безпрестанно теряли другъ друга; вскорѣ полилъ проливной дождь, что еще болѣе увеличило общее смятеніе. Секелетъ ни на минуту не покидалъ Ливингстона; за жаркимъ днемъ наступила холодная ночь, и промокшій Ливингстонъ дрожалъ отъ стужи. Наконецъ они вышли къ костру, разведенному другими путниками; Ливингстонъ хотѣлъ уже здѣсь прилечь, не имѣя чѣмъ защититься отъ холода, такъ какъ его одѣяло было отправлено впередъ, но Секелетъ не допустилъ этого: онъ снялъ съ себя плащъ, упробилъ Ливингстона завернуться въ него, а самъ легъ на голую землю.

Вскорѣ Ливингстонъ и Секелетъ достигли островъ на Замбези, гдѣ прежде жило племя батоковъ, которое побѣдилъ и переселилъ отсюда Себитуанъ, такъ какъ батоки грабили проходящихъ путниковъ. Острова находились по близости величественныхъ водопадовъ на Замбези, которыхъ не видалъ еще ни одинъ европеецъ. Могучая, суровая красота этого зрѣлища поразила Ливингстона болѣе всего, что онъ видѣлъ до тѣхъ поръ. Замбези, ширина котораго въ этомъ мѣстѣ около 2 верстъ, ниспадаетъ съ высоты почти 50 сажень въ узкое и глубокое ложе. Часть падающей воды, отражаясь отъ базальтоваго дна, образуетъ высокіе 50-ти саженные столбы, числомъ до пяти; бѣлые внизу, вверху они кажутся черными и, если смотрѣть на нихъ издали, какъ будто смѣшиваются съ облаками. Туземцы называютъ эти водопады Мозноа Тунья (Гремящій дымъ); Ливингстонъ въ честь англійской королевы назвалъ ихъ водопадами Викторіи, измѣнивъ на этотъ разъ своему разумному обыкновенію за вновь открываемыми мѣстами сохранять туземныя имена.

20-го ноября Ливингстонъ простился съ Секелетомъ и его свитой и отправился дальше въ сопровожденіи 120 человѣкъ, съ 13 быками, изъ которыхъ три предназначались для верховой ѣзды, и нѣкоторымъ запасомъ провизіи. Первое время путники слѣдовали по красивой и плодородной странѣ батоковъ и притомъ только ночью изъ опасенія укушеній цеце. Чтобы лучше ознакомиться съ страной, поручая людямъ быковъ и поклажу, днемъ Ливингстонъ шель пѣшкомъ, хотя солнечный жаръ и дѣйствовалъ на него изнурительно. Мѣстность все повышалась, пока путники достигли наконецъ хребта возвышенностей, окаймляющихъ Центральную Африку. Лѣса перемежались здѣсь съ красивыми травянистыми равнинами, и общій видъ мѣстности напоминалъ Ливингстону Анголу. Люди Ливингстона еще раньше говорили ему объ этой странѣ, какъ о настоящемъ раѣ; дѣйствительно, растительность достигала здѣсь необыкновенной пышности; и въ лѣсахъ, и на лугахъ можно было видѣть большія стада буйволовъ, антилопъ и слоновъ почти не боявшихся человѣка. Помимо изобилія растительной и животной жизни и условій, очевидно благоприятныхъ для земледѣлія и скотоводства, эта мѣстность отличалась и климатомъ болѣе здоровымъ, чѣмъ другія страны, ранѣе пройденныя Ливингстономъ. Повидимому, онъ нашель наконецъ то, чего

такъ долго и упорно искалъ—мѣсто, вполне удобное для миссіонерской станціи. Единственнымъ препятствіемъ для осуществленія этого плана являлось только безлюдье страны: жившіе тамъ батоки разбѣжались и переселились въ другія мѣста.

Изслѣдованіе страны батоковъ утвердило Ливингстона въ его предположеніяхъ относительно строенія южной части африканскаго материка. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что эта часть представляетъ собою плоскую возвышенность, окруженную съ востока и запада невысокими горными хребтами, идущими въ меридіональномъ направленіи; середина плоской возвышенности образуетъ впадину, которая нѣкогда была наполнена водою, отчасти уцѣлѣвшей въ видѣ озеръ и нашедшей себѣ доступъ къ морю посредствомъ прорыва горъ, окаймляющихъ плоскогорье. Озеро Нгами было такимъ остаткомъ нѣкогда громаднаго прѣсноводнаго бассейна, а водопады Викторіи на Замбези могли служить примѣромъ указанного прорыва, происшедшаго благодаря землетрясенію или проявленію вулканической силы. Эти взгляды онъ развивалъ въ своихъ сообщеніяхъ лондонскому географическому обществу, найдя случай въ разное время послать шесть такихъ сообщеній. Въ нихъ, какъ всегда, онъ смотритъ на факты, добываемые имъ для науки, съ точки зрѣнія преуспѣянія миссіи. Для него самымъ важнымъ выводомъ изъ всѣхъ его изслѣдованій Африки было убѣжденіе, что если во внутренней, болѣе низменной части Южной Африки природа ставила препятствія для учрежденія миссіонерскихъ станцій, то она какъ-бы сама предназначала для нихъ возвышенности, окаймлявшія эту послѣднюю, съ ихъ болѣе свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ. Съ другой стороны, рѣки занимали его, какъ артеріи, по которымъ христіанское просвѣщеніе должно разноситься по Южной Африкѣ. Его открытія доставляли ему удовлетвореніе, именно какъ новые пути для осуществленія евангельскаго завѣта о распространеніи христіанскаго ученія среди всѣхъ народовъ міра. Свое отношеніе къ нимъ онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя характеризуютъ всю его дѣятельность: „Завершеніе географической работы есть только начало миссіонерской дѣятельности“.

Изслѣдовавъ съ особымъ вниманіемъ горныя мѣстности, обѣщавшія наиболѣе здоровыя условія для европейскихъ поселеній, Ливингстонъ спустился по восточному склону горъ въ область

батоковъ, не признававшихъ власти макололовъ. Населеніе здѣсь выказывало вновь враждебное отношеніе къ путешественникамъ, и опять дѣло обошлось безъ кроваваго столкновенія, только благодаря хладнокровію Ливингстона и умѣнью его обращаться съ дикарями. Впрочемъ враждебность свободныхъ батоковъ возбуждалась преимущественно видомъ макололовъ, сопровождавшихъ бѣлаго путешественника. Караванъ, пользуясь богатствомъ мѣстности, на деревьяхъ которой встрѣчалось много съѣдобныхъ плодовъ, и готовностью жителей продавать необходимые припасы, беспрепятственно достигъ рѣки Кафуэ, впадающей въ Замбези, и переправился на лѣвый берегъ ея. Страна, по которой они проходили, благодаря холмамъ и долинамъ, отличалась красотой и была обработана повсюду, гдѣ только представлялась возможность; въ водахъ ея водилось столько бегемотовъ, что поля были окопаны ямами, ограждавшими ихъ отъ нападений этихъ животныхъ; слоны встрѣчались огромными стадами. На берегу рѣки Чипонга дожди принудили путниковъ къ продолжительной остановкѣ. Чтобы избѣгнуть заболѣваній среди своей многочисленной свиты, Ливингстонъ уже не рисковалъ идти по затопленнымъ пространствамъ, какъ онъ дѣлалъ это на пути въ Лоанду, и переживалъ непогоду, предохраняя отъ вліянія сырости себя и людей. За три версты къ востоку отъ впаденія Кафуэ, путешественники подошли къ Замбези. Берега рѣки были покрыты широколиственнымъ, плотнымъ кустарникомъ, чрезвычайно затруднявшимъ движеніе. По обоимъ берегамъ тянулись холмы, среди которыхъ водились во множествѣ буйволы и слоны. Караванъ двигался по лѣвому (сѣверному) берегу Замбези, обитаемому батаками, оставаясь въ благопріятныхъ отношеніяхъ съ послѣдними. Такъ дѣло продолжалось до тѣхъ поръ, пока путники вступили въ область, посѣщаемую португальцами, которыхъ здѣсь зовутъ бацунгами и которые, занимаясь торговлей невольниками, вооружили противъ себя населеніе. Дойдя до слиянія р. Лоангвы съ Замбези, Ливингстонъ увидаль развалины португальскаго поселенія. Туземцы не хотѣли объяснить, почему это поселеніе оставлено и разрушено. Нетрудно было понять, что это дѣло ихъ рукъ, и увидѣть опасность, какой они угрожали путникамъ. Ливингстона огорчала только мысль, что если онъ погибнетъ, то все открытое имъ на пути изъ Линьянти къ востоку останется неизвѣстнымъ. Почерпая увѣренность въ сознаніи исполненія

евангельскаго завѣта, онъ на другой день спокойно вышелъ къ цѣлой толпѣ вооруженныхъ туземцевъ. Нужно было переправляться на другой берегъ Лоангвы. Хотя у берега были привязаны три лодки, туземцы соглашались дать для переправы только одну. Ливингстонъ выждалъ, пока переправились всѣ его люди, оставаясь среди вооруженныхъ дикарей, которыхъ умѣлъ занять тѣмъ, что показывалъ имъ часы, лулу и др. невиданные ими предметы. Далѣе путешествіе продолжалось по берегу Замбези. Здѣсь уже начинались владѣнія страшнаго Мпенды, не пропускавшаго бѣлыхъ черезъ подвластныя ему земли. Окрестные жители такъ боялись его, что ни за что не хотѣли дать Ливингстону лодокъ, чтобы спуститься внизъ по рѣкѣ. Когда дошли до деревни, въ которой жилъ Мпенда, оттуда вышли люди, которые велѣли удалиться проводникамъ изъ ближайшихъ деревень, а путешественникамъ не сказали ни одного слова. Ночь прошла въ напряженномъ ожиданіи. Около лагеря показывались люди, видимо слѣдившіе за путешественниками, но не давашіе отвѣтовъ на ихъ вопросы. Съ ранняго утра стали показываться вооруженные отряды, проходившіе мимо лагеря. Макололы горѣли желаніемъ сразиться съ ними; Ливингстонъ удерживалъ ихъ, хотя и былъ увѣренъ, что они одержали-бы побѣду надъ воинами Мпенды. Наконецъ отъ непріятельской толпы отдѣлились два старика и спросили, что за чужеземцы пришли къ нимъ? Ливингстонъ сказалъ, что онъ— „лекоа“, т. е. англичанинъ. „Такого племени мы не знаемъ“ отвѣчали ему, „а думаемъ, что вы бацунги, съ которыми мы вели войну“. Желая убѣдить ихъ, что онъ не бацунга, Ливингстонъ показалъ имъ свои волосы и грудь. Его волосы, болѣе длинные, и кожа болѣе бѣлая, чѣмъ у мѣстныхъ португальцевъ, заставили дикарей повѣрить, что онъ не принадлежитъ къ числу ихъ враговъ. Пользуясь благопріятнымъ оборотомъ дѣла, Ливингстонъ послалъ къ Мпендѣ одного изъ наиболѣе толковыхъ и преданныхъ ему людей, Секвеба, попросить продать ему лодку для перевозки больного, котораго приходилось нести на рукахъ. Это посольство окончательно расположило Мпенду въ пользу бѣлаго человека. „Онъ долженъ быть нашимъ другомъ, если такъ прямо говорить о своей нуждѣ“, заключилъ Мпенда и приказалъ перевезти всѣхъ путниковъ на другой берегъ, такъ какъ дорога тамъ была удобнѣе и прямѣе.

Здѣсь уже была страна племени баньяи. Послѣдніе относились

дружелюбно къ путешественникамъ и требовали только известной части убитой дичи. Хотя караванъ приближался къ португальскимъ поселеніямъ, но онъ встрѣчалъ еще повсюду въ большомъ изобиліи буйволовъ, антилопъ и дикихъ свиней. По мѣрѣ приближенія къ границѣ, туземцы предъявляли все большія и большія требованія; Ливингстону уже нечего было давать имъ, и онъ старался избѣгать деревень, пропитывая своихъ спутниковъ продуктами охоты. Подходя къ португальскому поселенію Тете, приходилось идти каменистой мѣстностью, гдѣ вовсе не было дорогъ. Ливингстонъ былъ такъ утомленъ, что вынужденъ былъ остановиться въ трехъ часахъ пути отъ Тете и послать письмо къ представителямъ португальской администраціи. Рано утромъ появились португальскіе офицеры съ отрядомъ солдатъ, присланные своимъ начальствомъ въ распоряженіе Ливингстона.

Принятый весьма гостепріимно португальцами, Ливингстонъ оставался въ Тете болѣе мѣсяца, изслѣдуя окрестныя мѣстности и выжидая благоприятнаго времени для переѣзда въ приморское португальское поселеніе Килиманъ. Вылечивъ отъ жестокой лихорадки коменданта Тете, Сикара, Ливингстонъ 22-го апрѣля 1856 г. двинулся далѣе по теченію Замбези и черезъ четыре дня достигъ Сенны, полуразрушеннаго португальскаго поселенія, настолько ослабленнаго, что зулусы брали съ него дань. Отъ Сенны Ливингстонъ спустился до устьевъ Замбези. Рѣка течетъ здѣсь въ плоскихъ, лѣсистыхъ берегахъ и настолько широка, что съ одного берега нельзя видѣть другого. Наконецъ путешественники дошли до оконечности рѣчной дельты, гдѣ Замбези раздѣляется на пять устьевъ. Муту, устье, которое вело къ Килиманъ, было занесено иломъ, и нужно было пройти три мили пѣшкомъ, чтобы добраться до другого устья. Этотъ небольшой переходъ доставилъ много страданій Ливингстону. Мучимый лихорадкой, онъ долженъ былъ идти по сильному зною, среди густой травы, превышавшей ростъ человѣка и преграждавшей доступъ воздуха. Пульсъ его бился такъ сильно, что каждую минуту онъ ожидалъ удара. Перенесенныя имъ трудности окончились въ Интеррѣ, португальскомъ поселеніи, комендантъ котораго, Асеведо, предложилъ ему парусное судно съ каютой. Ливингстонъ могъ удобно достигнуть Килимана, куда онъ прибылъ 20-го мая, проведя болѣе полугода въ пути.

Прошло четыре года, какъ онъ выѣхалъ изъ Каштадта

и началъ свое великое путешествіе къ западному и восточному берегамъ Африки. Оглядываясь на всѣ испытанія, какія ему приходилось перенести, онъ видѣлъ въ нихъ только явное доказательство помощи Божіей. Болѣе всѣхъ открытій его радовало убѣжденіе, вынесенное изъ путешествій, что во всемъ мірѣ живутъ добрые люди и что Богъ видимо располагалъ въ его пользу сердца черныхъ и бѣлыхъ людей. Во всемъ пережитомъ онъ видѣлъ персть Божій и надѣялся, что онъ и впоследствии поможетъ ему трудиться на благо Африки.

ГЛАВА VI.

Пріѣздъ въ Англію.

Переѣздъ на родину.—Прибытіе въ Лондонъ.—Чествованія Ливингстона.—Его книга и ея успѣхъ.—Торжественныя встрѣчи въ университетскихъ городахъ.—Свиданіе съ рабочими.—Снаряженіе экспедиціи въ Африку.—Отѣздъ изъ Англіи.

Предполагая изъ Килимана отправиться въ Англію, Ливингстонъ оставилъ своихъ людей въ Тете, за исключеніемъ восьми, сопровождавшихъ его до Килимана. Эти послѣдніе весьма желали поѣхать съ нимъ на его родину; однако Ливингстонъ боялся взять ихъ въ виду опасности отъ морского переѣзда и перемѣны климата и сдѣлалъ исключеніе для одного Секвеба, оказавшаго ему много услугъ въ послѣднемъ путешествіи. Послѣ шести недѣль, проведенныхъ въ домѣ португальскаго полковника Нунеса и послужившихъ для нѣкотораго возстановленія здоровья Ливингстона, въ Килиманъ пришелъ англійскій бригъ, который привезъ Ливингстону 150 ф. стерлинговъ (около 1¹/₂ тыс. руб.), присланныхъ агентами миссіонерскаго общества въ Капштадтѣ для доставленія Ливингстону возможности возвращенія на родину. Военный корабль предложилъ бесплатно довести его до острова Св. Маврікія. Дружелюбное отношеніе капитана и всего экипажа позволяло Ливингстону думать, что онъ уже находится на родинѣ; ему трудно было только объясняться по-англійски, такъ какъ втеченіе почти 4-хъ лѣтъ онъ лишенъ былъ возможности говорить на родномъ языкѣ. Бѣдному Секвебу не удалось добраться даже до острова Св. Маврікія: новыя впечатлѣнія, какія вызывали въ немъ море и пребываніе на военномъ кораблѣ, подѣйствовали на его разумъ, и въ припадкѣ умственнаго разстройства онъ бросился въ море.

Прибывъ на о. Св. Маврікія 12-го августа 1856 г., Ливингстонъ долженъ былъ остаться тамъ въ гостепріимномъ домѣ генерала Гэя, который совѣтывалъ ему воспользоваться здоровымъ климатомъ острова для излеченія послѣдствій отъ лихорадки. Въ ноябрѣ

Ливингстонъ продолжалъ путь на родину, черезъ Красное море. Онъ рассчитывалъ встрѣтиться съ женою и друзьями въ Соутгемптонѣ. Однако пароходъ едва не потерпѣлъ крушенія близъ Тунисской бухты, и пассажиры были доставлены только до Марселя. Оттуда черезъ Парижъ и Дувръ Ливингстонъ проѣхалъ въ Англию, и прибылъ въ Лондонъ 9-го декабря 1856 г. Еще въ Каирѣ имъ было получено печальное извѣстіе о смерти отца, чѣмъ отчасти была отравлена радость возвращенія на родину. Изъ Лондона Ливингстонъ тотчасъ же проѣхалъ въ Соутгемптонъ за женой, съ тѣмъ чтобы немедленно вернуться въ Лондонъ.

По возвращеніи въ Лондонъ скромному путешественнику предстояло сдѣлаться предметомъ самыхъ торжественныхъ чествованій и восторженныхъ овацій. 15-го декабря въ честь его королевское географическое общество устроило экстренное засѣданіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ знаменитый геологъ Мурчисонъ и въ числѣ присутствующихъ находился другъ Ливингстона, Освелль. Мурчисонъ въ своей рѣчи перечислилъ заслуги, оказанныя наукѣ Ливингстономъ, который прошелъ 16.000 верстъ опредѣляя положеніе населенныхъ мѣстъ, горъ, рѣкъ и озеръ, неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ, и изучая проходимыя имъ мѣстности въ физико-географическомъ, геологическомъ, климатологическомъ и естественно-историческихъ отношеніяхъ. Своими наблюденіями онъ установилъ, что внутренняя Африка представляетъ собою плоскую возвышенность, прорѣзанную озерами и рѣками, имѣющими истокъ къ океанамъ, лежащимъ на западной и на восточной сторонѣ материка. Но выше всего сдѣланнаго Ливингстономъ, почетнѣе всѣхъ его подвиговъ президентъ считалъ выполненіе обѣщанія, даннаго сопровождавшимъ его дикарямъ, ради котораго Ливингстонъ, преодолѣвъ столько опасностей, рѣшился вновь подвергнуться имъ, чтобы привести своихъ провожатыхъ на ихъ родину. Послѣ рѣчи президента, Ливингстону была вручена большая золотая медаль. Извиняясь за краткость своей рѣчи, вслѣдствіе потери привычки говорить на родномъ языкѣ, Ливингстонъ сказалъ, что, стараясь открыть нѣкоторую часть Африки влиянію христіанства, онъ исполнилъ только долгъ миссіонера. Остается сдѣлать еще весьма много, и предпринятое имъ можно будетъ считать оконченнымъ лишь тогда, когда торговля невольниками будетъ уничтожена и вся внутренняя Африка будетъ открыта для христіанства и торговли. Профессоръ Ричардъ Оуэнъ, подъ руководствомъ котораго нѣкогда

работалъ Ливингстонъ, подтвердилъ значеніе его изслѣдованій для зоологіи и палеонтологіи. Присутствовавшіе астрономы, знавшіе отъ своего кашпштадтскаго собрата Маклира о точности опредѣленій Ливингстона, присоединили выраженія своего удивленія многочисленности и совершенству его работъ этого рода.

На слѣдующій день, 16-го декабря, состоялось въ честь Ливингстона торжественное засѣданіе лондонскаго миссіонерскаго общества. Предсѣдательствовавшій въ собраніи лордъ Шефтсбери произнесъ привѣтственную рѣчь, въ которой высказалъ, что для общества не можетъ быть болѣе почетной обязанности, какъ чествовать такого человѣка, жизнь и дѣятельность котораго посвящены смиренному и искреннему выполненію ангельской пѣсни: „Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“ Ливингстонъ отвѣтилъ нѣсколькими словами, въ которыхъ благодарилъ директоровъ общества за оказанную ему поддержку и объяснялъ причины медленнаго распространенія христіанства среди африканскихъ племенъ. Въ заключеніе лордъ Шефтсбери посвятилъ нѣсколько сочувственныхъ словъ женѣ Ливингстона, напомнивъ объ ея близкомъ отношеніи къ миссіонерской дѣятельности, какъ дочери и жены миссіонера, о той помощи, какую она всегда оказывала мужу, пока была съ нимъ, и о тревожныхъ и печальныхъ дняхъ, пережитыхъ ею, когда она, возвратившись въ Англію, подолгу оставалась безъ всякихъ извѣстій о мужѣ. 5-го января (1857 года) было созвано лордомъ-мэромъ многочисленное собраніе, чтобы выработать адресъ Ливингстону отъ города Лондона. Вниманіе къ Ливингстону возросло еще болѣе, когда было получено извѣстіе о состоявшемся въ честь его торжественномъ собраніи въ Кашпштадтѣ. Королевскій астрономъ Маклиръ, распространяясь о точности географическихъ опредѣленій Ливингстона, выяснилъ, что число его частныхъ наблюденій доходитъ до 2,812, кромѣ тѣхъ, которыя не дошли по назначенію или не были сообщены имъ. „Вся внутренняя Африка, сказалъ онъ, носитъ теперь на себѣ отпечатокъ Ливингстона. Находясь въ любомъ пунктѣ той области, какую онъ прошелъ, теперь можно знать съ точностью, гдѣ именно находишься... Я утверждаю, что сдѣланное этимъ человѣкомъ не имѣетъ себѣ подобнаго“. Кашпштадтскій епископъ Томпсонъ высказалъ съ своей стороны, что нельзя найти человѣка, который лучше доктора Ливингстона исполнилъ обязанности священнаго призванія христіанскаго миссіонера и, сознавая всю важ-

ность своего дѣла, привелъ его къ столь успѣшной цѣли. Негоціантъ Реттерфурдъ, сопровождавшій Ливингстона въ одну изъ его поѣздокъ, засвидѣтельствовалъ объ его замѣчательной справедливости, кротости и добросовѣстности и прибавилъ, что ему удавалось слышать отъ него поразительно вѣрныя и проникательныя сужденія объ организаціи торговаго дѣла въ Африкѣ. Такимъ образомъ и въ столицѣ его родины, и въ центрѣ той области, гдѣ онъ дѣйствовалъ, вполне признавались его заслуги, какъ путешественника, географа, зоолога, астронома, миссіонера, врача и организатора торговой дѣятельности. Ливингстонъ ожидалъ только возможности уѣхать отъ этихъ овацій въ Гамильтонъ, гдѣ въ то время жили его мать, дѣти и родные.

Вначалѣ Ливингстонъ думалъ пробыть въ Англии не болѣе 3—4 мѣсяцевъ, чтобы не заставлятъ своихъ людей слишкомъ долго ожидать его въ Тете. Однако успокоенный обѣщаніемъ португальскаго правительства, что оно позаботится о нихъ, онъ рѣшился продлить свое пребываніе на родинѣ. Оно вовсе не было отдыхомъ для него. Первые мѣсяцы 1857 г. онъ долженъ былъ посвятить описанію своего путешествія, заказанному при посредствѣ Мурчисона издателемъ Мѣрреемъ. Какъ говорилъ самъ Ливингстонъ, литературная работа давалась ему съ такимъ трудомъ, что онъ скорѣе согласился-бы проѣхать еще разъ черезъ всю Африку, чѣмъ снова написать такую книгу. Правда, его книга, названная имъ „Путешествія и изслѣдованія миссіонера въ Южной Африкѣ“, страдаетъ недостаткомъ цѣльности, но этотъ недостатокъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ спѣшной работы; по справедливому замѣчанію его біографа Блэки, если-бы Ливингстонъ „обладалъ перомъ Самуэля Джонсона или краснорѣчіемъ Эдмонда Борка, онъ не могъ-бы произвести большаго впечатлѣнія; его безыскусственный слогъ и простая рѣчь какъ нельзя болѣе гармонировали съ его правдивымъ, чуждымъ всякаго преувеличенія, характеромъ“. Въ то время, когда Ливингстонъ писалъ свою книгу, онъ жилъ съ семьей у того или у другого изъ своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ, Фредерикъ Фитчъ, въ воспоминаніяхъ о немъ, рассказываетъ, что Ливингстонъ, несмотря на всѣ оказанныя ему почести, оставался такимъ-же простымъ и непритязательнымъ человѣкомъ, какъ и прежде, и былъ недоволенъ, когда къ нему относились, какъ къ знаменитости. Онъ даже избѣгалъ выходить на улицу и въ церкви садился въ уединенное мѣсто, чтобы избавиться отъ овацій.

„Путешествія миссіонера“ появились въ свѣтъ въ ноябрѣ 1857 г. и имѣли необычайный успѣхъ. Несмотря на довольно высокую цѣну, назначенную издателемъ, 12,000 экземпляровъ было распродано въ короткое время и понадобилось второе изданіе. Выдающийся успѣхъ книги доставилъ автору значительную сумму; небольшую часть ея онъ отдѣлилъ для воспитанія дѣтей, а остальную назначилъ для поддержанія своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій Африки. Книга была встрѣчена самыми сочувственными отзывами въ научной литературѣ, но съ другой стороны на нее посыпались упреки за то, что въ ней отведено гораздо болѣе мѣста географическимъ и естественно-историческимъ вопросамъ, чѣмъ миссіонерскому дѣлу. Одна дама изъ Карлейля написала письмо автору, въ которомъ ставила на видъ, что онъ болѣе ученый, чѣмъ миссіонеръ; Ливингстонъ послалъ ей слѣдующій, характерный для него отвѣтъ: „Нигдѣ я не былъ ничѣмъ другимъ, какъ только служителемъ Бога, слѣдующимъ указаніямъ Его перста... Я работалъ на моемъ поприщѣ кирпичемъ и известкой, кузнечнымъ мѣхомъ и столярными инструментами столько-же, сколько проповѣдями и врачебной практикой. Я знаю, что я не принадлежу себѣ, что я служу Христу, когда убиваю буйвола для моихъ людей или занимаюсь астрономическимъ наблюденіемъ, или пишу кому-нибудь изъ дѣтей Божіихъ. Приобрѣтя съ Его помощью познанія, которыя, какъ я надѣюсь, послужатъ на пользу Африки, долженъ-ли я скрывать мой свѣтильникъ подъ спудомъ только потому, что нѣкоторые не считаютъ его приличнымъ для миссіонера? Зная, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, открытіе новой страны для христіанства—дѣло, не соответствующее тому, кто пользуется пособіями миссіонерскаго общества, я отказываюсь теперь отъ содержанія, какое получалъ отъ общества, находясь въ сношеніяхъ съ нимъ“.

Окончивъ изданіе своей книги, Ливингстонъ уже не отклонялъ приглашеній, вызывавшихъ его въ различныя мѣста Англій и Шотландіи. Торговая палата въ Манчестерѣ приготовила ему столько-же торжественный, сколько и сердечный пріемъ. Ливингстонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы ознакомить коммерсантовъ Манчестера съ естественными богатствами Африки и расположить ихъ къ установленію торговыхъ сношеній съ посѣщенными имъ странами. Затѣмъ его ожидала торжественная встрѣча въ Глазговѣ, медицинскій факультетъ котораго

избралъ его своимъ почетнымъ членомъ, а городъ — почетнымъ гражданиномъ. Особенно трогателенъ былъ пріемъ, оказанный Ливингстону обществомъ шотландскихъ фабричныхъ рабочихъ и ткачей. На обращенную къ нему рѣчь онъ отвѣтилъ, что его спартанское воспитаніе на фабрикѣ въ Блентайрѣ послужило основой для совершеннаго имъ дѣла, что въ жизни, посвященной работѣ, надо видѣть удѣлъ большей части человѣчества и что бѣдности не слѣдуетъ стыдиться, такъ какъ Спаситель былъ униженъ и бѣденъ. Такой же задушевностью отличалось его свиданіе съ фабричными рабочими въ Блентайрѣ. Ливингстонъ долженъ былъ посѣтить Эдинбургъ, Оксфордъ и Кембриджъ, гдѣ ему были поднесены почетные дипломы и гдѣ онъ прочелъ нѣсколько лекцій, возбудившихъ величайшій интересъ.

Цѣль, съ которою Ливингстонъ прибылъ въ Англію, была достигнута. Своимъ появленіемъ въ общественныхъ собраніяхъ, своей книгой, рѣчами и лекціями ему удалось привлечь общее вниманіе къ дѣлу просвѣщенія Африки и произвести полный переворотъ въ воззрѣніяхъ на природу и обитателей этого материка. Господствовавшія до тѣхъ поръ мнѣнія о бесплодности и недоступности его и о свирѣпости населяющихъ его народовъ уступили мѣсто болѣе правильнымъ и гуманнымъ воззрѣніямъ. Обширный планъ изслѣдованія и просвѣщенія Африки, съ которымъ пріѣхалъ Ливингстонъ, теперь легко могъ осуществиться.

Ливингстонъ отказался отъ обязательныхъ отношеній къ миссіонерскому обществу, но его дѣло уже взяло въ свои руки правительство. Въ февралѣ 1858 г. онъ получилъ декретъ, подписанный лордомъ Кларендономъ, секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ, о назначеніи его англійскимъ консуломъ въ Килиманъ и руководителемъ экспедиціи для изслѣдованія восточной и центральной Африки; въ помощь ему было назначено шесть специалистовъ по различнымъ отраслямъ научной и практической дѣятельности. Послѣ аудіенціи у королевы и торжественныхъ проводовъ, онъ оставилъ Англію 10-го марта 1858 г., увозя съ собою жену и младшаго сына.

ГЛАВА VII.

Плаваніе по низовьямъ Замбези и по рѣкѣ Ширѣ. Открытіе озеръ Ширва и Ніасса.

Инструкціи Ливингстона.—Плаваніе по Конгонѣ и Замбези.—Ислѣдованія р. Ширѣ.—Водопады Мурчисона.—Открытіе оз. Ширвы.—Открытіе оз. Ніассы.—Результаты экспедиціи.

Ливингстонъ и его спутники 10-го марта 1858 г. отплыли изъ Ливерпуля. Съ ними былъ отправленъ въ разобранномъ видѣ маленькій рѣчной пароходъ „Ма-Робертъ“, названный въ честь африканскаго прозванія жены Ливингстона. Какъ только члены экспедиціи свыклись съ моремъ, Ливингстонъ съ точностью распредѣлилъ между ними ихъ будущія обязанности, ознакомилъ ихъ по инструкціямъ Оуэна, Мурчисона и др., съ научными и торговыми цѣлями экспедиціи и, съ своей стороны, разъяснилъ нравственное значеніе ея, которое казалось ему особенно важнымъ. Онъ настаивалъ, чтобы его помощники даже животныхъ не истребляли безъ надобности и выражалъ твердую надежду, что имъ никогда не придется обращать свое оружіе противъ туземцевъ; съ подчиненными онъ совѣтывалъ обращаться возможно кротко и въ случаяхъ недоразумѣній дѣйствовать въ примирительномъ духѣ до послѣдней крайности. Новая и тяжелая отвѣтственность, какую Ливингстонъ принималъ на себя, становясь во главѣ экспедиціи, настолько озабочивала его, что это время онъ считалъ самымъ труднымъ въ своей жизни.

Послѣ выхода изъ Сіерра-Леоне погода испортилась, и здоровье жены Ливингстона настолько разстроилось, что пришлось оставить ее съ ребенкомъ въ Капской колоніи. Покинувъ берега этой послѣдней 1-го мая, экспедиція прибыла къ устьямъ Замбези 14-го числа того-же мѣсяца. Рѣчной пароходъ былъ собранъ, и она направилась въ устье Замбези, называемое Конгоной. Пройдя пять миль вверхъ по Конгонѣ, пароходъ черезъ излучистый протокъ въ 15

версть длиною вступилъ въ многоводную Замбези. По Конгонѣ путники ѣхали среди густыхъ мангрововыхъ лѣсовъ, въ которыхъ видѣлись громадныя древовидныя папоротники и дикія финиковыя пальмы; на лѣсныхъ луговинахъ паслись буйволы, дикія свиньи и антилопы; лѣса оглашались пѣніемъ множества птицъ. Далѣе вверхъ по Замбези открылись равнины съ травою выше роста человѣка. На правомъ берегу между бананами и кокосовыми пальмами поднимались, стоящія на сваяхъ, хижины туземцевъ. Плодородіе этой страны оказывалось поразительнымъ; кромѣ обычныхъ овощей тропическаго пояса, здѣсь произрастали рисъ, хлопчатникъ и сахарный тростникъ. По мнѣнію Ливингстона, одной полосы земли (въ 25 версть длиною и 15 шириною), простирающейся отъ Конгона до Мазаро, было-бы достаточно, чтобы снабдить сахаромъ всю Европу. Жители здѣсь были мирныя земледѣльцы, какъ нельзя болѣе склонныя къ торговымъ сношеніямъ.

До острова Симбо за „Ма-Робертъ“ слѣдовалъ морской пароходъ, который привезъ экспедицію изъ Европы. Далѣе онъ не могъ уже идти и выгрузилъ на островѣ вещи, принадлежавшія экспедиціи. При этомъ у Ливингстона произошло столкновеніе съ офицеромъ, назначеннымъ для управленія „Ма-Робертъ“, и тотъ потребовалъ отставки. Ливингстонъ согласился его отпустить, испробовавъ всѣ пути къ мирному соглашенію; не желая обременять другихъ членовъ экспедиціи излишними обязанностями, управленіе пароходомъ онъ принялъ на себя. Къ сожалѣнію, послѣдній былъ построенъ такъ неудовлетворительно, что на немъ можно было двигаться лишь крайне медленно и съ затратой большого количества топлива. Это неблагоприятное обстоятельство усиливалось другимъ, еще болѣе важнымъ: мѣстность, по которой слѣдовала экспедиція, была охвачена войною между португальцами и мулатомъ Маріаномъ, занимавшимся разбоями и похищеніемъ людей, которыхъ онъ продавалъ въ рабство. Португальцы, поощрявшіе торговлю невольниками и принимавшіе въ ней участіе, терпѣли разбой Маріана, пока онъ не касался ихъ владѣній; они послали противъ него солдатъ и изловили его, но братъ его Бонга продолжалъ тѣ-же набѣги и насилія. Нужно было все умѣнье Ливингстона обращаться съ дикими и свирѣпыми людьми, чтобы благополучно провести экспедицію среди разбойниковъ и туземцевъ, враждебно настроенныхъ къ бѣлымъ.

8-го сентября экспедиція прибыла въ Тете, гдѣ Ливингстона

съ восторгомъ встрѣтили ожидавшіе его макалолы; численность ихъ значительно уменьшилась: 30 человекъ умерли отъ оспы, а 6—были умерщвлены дикарями. Убѣдившись, что Конгона вполне удобна для судоходства и что при соединеніи ее съ Замбези легко можетъ быть устроенъ складъ европейскихъ товаровъ, Ливингстонъ намѣревался теперь изслѣдовать, насколько пороги Кебрабаза, лежащіе въ 30—40 верстахъ выше Тете, составляютъ препятствіе для судоходства по Замбези? Изслѣдованіе представило неожиданныя трудности. Приходилось двигаться по сыпучему песку или по поясъ въ водѣ и перелѣзать черезъ высокія, раскаленные солнцемъ скалы. Путь былъ не подѣ силу даже испытаннымъ макалоламъ; они роптали на своего господина, находя, что онъ сошелъ съ ума, и отказывались идти дальше. Ливингстонъ, оставшись только съ докторомъ Кэркомъ и однимъ проводникомъ, дошелъ до намѣченной цѣли и убѣдился, что пороги составляютъ непреодолимое препятствіе для судоходства, за исключеніемъ, быть можетъ, времени пловодья Замбези. Онъ рѣшался дожидаться высшаго подъема воды, который бываетъ обыкновенно въ концѣ декабря или въ началѣ января, и тогда попытаться пройти вверхъ по рѣкѣ. Невозможность пуститься въ такое плаваніе на малосильномъ и дурно устроенномъ „Ма-Робертѣ“ заставила Ливингстона просить о присылкѣ другого парохода; въ томъ случаѣ, если-бы правительство отказало въ его просьбѣ, онъ предписывалъ своему другу Юнгу употребить на этотъ предметъ 20,000 рублей изъ денегъ, остававшихся отъ гонорара за его книгу.

Не желая терять времени, какое требовалось на полученіе отвѣта изъ Англіи, Ливингстонъ рѣшился изслѣдовать неизвѣстную еще р. Ширѣ, впадающую въ Замбези съ сѣверной стороны, между Сенной и Мазаро. Его предупреждали, что португальцы напрасно пытались подняться по этой рѣкѣ: ихъ остановили непроницаемая водяная растительность и враждебность манганджей, живущихъ на Ширѣ. Тѣмъ не менѣе Ливингстонъ въ январѣ 1859 г. поднялся по Замбези и ниже Сенны вступилъ въ Ширѣ. Онъ встрѣтилъ только водоросли, приносившіяся въ изобиліи изъ сосѣднихъ болотъ, и сумѣлъ вступить въ дружественныя сношенія съ манганджами, угрожавшими ему сперва отравленными стрѣлами. Проплывъ около 250 верстъ по извилистой рѣкѣ, путники увидели великолѣпный водопадъ, который съ общаго согласія былъ названъ водопадомъ Мурчисона. Дальнѣйшее плаваніе по рѣкѣ

было невозможно, а движеніе сухимъ путемъ—небезопасно вслѣдствіе непріязненности туземцевъ и дурной погоды. Ливингстонъ рѣшился вернуться въ Тете.

Въ половинѣ марта онъ предпринялъ второе изслѣдованіе Шире. На этотъ разъ онъ еще болѣе сблизился съ туземцами, охотно продававшими ему съѣстные припасы, и въ особенности съ Чибизой, начальникомъ одной изъ деревень, лежавшей ниже водопада Мурчисона. Оставивъ около этой деревни пароходъ, Ливингстонъ, съ д-ромъ Кэркомъ и 15 маколлами, отправился пѣшкомъ къ невиданному еще ни однимъ европейцемъ озеру Ширва. Они шли въ сѣверномъ направленіи по гористой мѣстности; проводникъ по недоразумѣнію привелъ ихъ сперва къ болотистому озеру, называемому туземцами Ньянза-Мукуду, и, только послѣ большихъ затрудненій, путешественники увидели наконецъ Ширву. Берега озера были покрыты густой камышевой порослью и въ солоноватой водѣ его водилось множество крокодиловъ, бегемотовъ, рыбы и пьавокъ. Окрестности обширнаго озера были замѣчательно красивы, и само оно, въ особенности во время волненія, представляло величественное зрѣлище. Грандіозность его увеличивалась еще болѣе горами, поднимавшимися на восточномъ берегу и достигавшими до 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря. И на западномъ берегу тянулась высокая горная пѣшь, высочайшая вершина которой, Сомба, поднимается слишкомъ на 8,000 фут. Ливингстонъ слышалъ отъ туземцевъ, что съ сѣвера озеро Ширва только узкой полосой земли отдѣляется отъ другого, еще болѣе обширнаго озера, но на этотъ разъ онъ его не изслѣдовалъ и поспѣшилъ въ Тете. Надо было исправить „Ма-Робертъ“, который далъ сильную течь, и затѣмъ отправиться къ выходу изъ Конгоны, куда англійскій бригъ долженъ былъ доставить провіантъ. Тогда же Ливингстонъ нашелъ нужнымъ уволить двухъ членовъ экспедиціи, не отвѣчавшихъ своему назначенію.

Въ половинѣ августа онъ вновь поѣхалъ на Ширѣ, отчасти для того чтобы еще болѣе сблизиться съ туземцами, отчасти же для изслѣдованія озера, лежавшаго къ сѣверу отъ озера Ширва. 28-го августа, оставивъ у Чибизы свой пароходъ, онъ выступилъ съ тремя бѣлыми и 38 темнокожими спутниками, изъ которыхъ двое принадлежали къ мѣстнымъ проводникамъ, съ цѣлью розыскать озеро Ніасса. Дорога шла сперва по долинѣ небольшой рѣчки, на берегахъ которой всюду были видны плантаціи хлоп-

чатника. Вскорѣ начался подъемъ на хребетъ Манганджа, и характеръ растительности сталъ измѣняться: появился бамбукъ и показались деревья и растенія, новыя для путниковъ. На вершинѣ названнаго хребта открывались красивые виды, и воздухъ былъ такъ прохладенъ, что европейцы чувствовали себя превосходно. Со стороны туземцевъ они повсюду встрѣчали дружелюбный пріемъ и легко пріобрѣтали у нихъ нужные продукты въ обмѣнъ на бусы и ситецъ. Послѣ недѣльнаго пути по горнымъ мѣстностямъ, они вступили въ долину верхняго теченія Ширѣ, лежащую на 1,300 ф. надъ уровнемъ моря и отличающуюся чрезвычайнымъ плодородіемъ и густотою населенія. Несмотря на сбивчивыя показанія туземцевъ, которые, на разстояніи одного дня пути отъ озера Ніассы, утверждали, что въ ихъ странѣ нѣтъ ни одного большого озера, Ливингстонъ продолжалъ путь и 16-го сентября 1859 г. открылъ озеро Ніасса. На этотъ разъ ему не удалось подробнѣе изслѣдовать озеро и прилегающую къ нему страну. Манганджи, обитавшіе въ этой мѣстности, продавали невольниковъ арабскимъ купцамъ, и тѣ съ недовѣріемъ и страхомъ смотрѣли на прибывшихъ англичанъ. Начальники манганджей, извлекавшіе выгоды изъ торговли рабами, выказывали нерасположеніе къ бѣлымъ пришельцамъ, а подчиненные ихъ не вѣрили мирнымъ увѣщаніямъ Ливингстона, считая его принадлежащимъ къ числу работаровцевъ; въ долинѣ верхняго Ширѣ путешественниковъ часто не хотѣли впускать въ деревни и продавать имъ съѣстные припасы. Намѣреваясь впослѣдствіи возвратиться къ озеру Ніасса, Ливингстонъ оставилъ его теперъ и отправился въ обратный путь.

Прибывъ въ устье Конгоны, онъ остановился тамъ для исправленія своего парохода, изъ котораго приходилось непрерывно качивать воду, и въ ожиданіи корабля изъ Англіи съ письмами и провіантомъ. Корабль пришелъ вскорѣ, но, вслѣдствіе сильнаго волненія, не могъ подойти къ берегу, а лодка, посланная для доставленія привезенныхъ бумагъ и писемъ, опрокинулась, и вся переписка, нетерпѣливо ожидавшаяся Ливингстономъ и его спутниками, очутилась въ морѣ. Эта потеря, крайне непріятная для Ливингстона, смягчалась тѣмъ, что не задолго до того онъ получилъ другимъ путемъ письмо изъ Курумана, въ которомъ жена извѣщала его о рожденіи дочери. Впрочемъ письмо было написано годъ тому назадъ, и во все это время Ливингстонъ ничего не зналъ о своей женѣ и новорожденной дочери.

Географическіе результаты описанной экспедиціи были весьма значительны. Наука обогащалась свѣдѣніями о неизслѣдованной еще рѣкѣ Ширѣ и о двухъ обширныхъ озерахъ съ окружающими ихъ возвышенностями. Открытія Ливингстона имѣли не меньшую важность и въ экономическомъ отношеніи. Долина Ширѣ, съ здоровыми и плодородными горными мѣстностями, обѣщала большія удобства для миссіонерскихъ и торговыхъ пунктовъ; трудолюбивыхъ и промышленныхъ жителей ея легко было склонить къ разведенію маиса, хлопчатника, сахарнаго тростника и пр. и къ обмѣну этихъ продуктовъ на европейскіе товары. По мнѣнію Ливингстона, долина Ширѣ была вполне пригодна и для европейской колонизаціи. Планъ переселенія въ эту здоровую страну 20—30 бѣдныхъ и честныхъ семействъ изъ Англіи тогда особенно занималъ его. Онъ писалъ о немъ Мурчисону, изъявляя готовность употребить изъ оставшихся у него денегъ до 20,000 рублей на устройство колоніи. Съ такимъ-же жаромъ знаменитый путешественникъ стремился къ осуществленію другого плана—подавленію невольничества. Въ письмѣ къ Мурчисону (7-го февраля 1860 г.) онъ доказывалъ, что вооруженный пароходъ на островѣ Ніасѣ, по которому перевозились невольники съ сѣвера и сѣверо-запада на восточный берегъ материка, успѣшиѣе содѣйствовалъ-бы прекращенію ужаснаго промысла, чѣмъ цѣлая военная эскадра на океанѣ. Ливингстонъ высказывалъ твердое намѣреніе добиться осуществленія своей цѣли. „Если я останусь въ живыхъ, писалъ онъ, мое предпріятіе удастся; только смерть можетъ положить ему конецъ“.

ГЛАВА VIII.

Возвращеніе съ маколдами въ Линьянти. Университетская миссія.

Наблюденія Ливингстона на пути къ Линьянти.—Радостная встрѣча населенія.—Болѣзнь Секелета.—Возвращеніе въ Тете.—Прибытіе университетской миссіи и «Піонера».—Основаніе миссіонерской станціи въ Магомеро.—Изслѣдованіе озера Нюасы.—Смерть миссіонеровъ и жены Ливингстона.

Ливингстону предстояло еще отвести своихъ маколдовъ на ихъ родину. Надо было переждать сырое время года и выждать новой жатвы, чтобы не терпѣть недостатка въ припасахъ во время пути; поэтому Ливингстонъ отложилъ поѣздку въ Линьянти до мая. Послѣ долгихъ приготовленій, караванъ, къ которому присоединился пріѣхавшій изъ Америки братъ Ливингстона, Чарльзъ, выступилъ въ путь 15-го мая 1860 г. Многие изъ маколдовъ желали остаться въ Тете, и нѣкоторые изъ примкнувшихъ къ экспедиціи бѣжали съ дороги; это были люди, успѣвшие ознакомиться въ Тете съ спиртными напитками и т. п., и оставленіе ими каравана не было для него потерей.

Ливингстонъ, проходя мимо водопада Кебрабаза и лежащаго нѣсколько выше водопада Морумба, могъ осмотрѣть ихъ съ другой стороны и убѣдиться въ вѣрности своего предположенія, что они не могутъ мѣшать судоходству по Замбези въ половодье. Пройдя около 60 верстъ по красивымъ возвышенностямъ Кебрабаза, путешественники 7-го іюня достигли равнины Чикова. Эта плодородная мѣстность еще не задолго передъ тѣмъ прокармливала многочисленное населеніе; теперь она была оставлена жителями, благодаря войнѣ и набѣгамъ работорговцевъ; изрѣдка въ покинутыхъ деревняхъ встрѣчались дѣти; они, а за ними и ихъ матери поднимали крикъ и разбѣгались, завидя бѣлыхъ людей. 20-го іюня караванъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ четыре года тому назадъ Ливингстонъ переправлялся черезъ Замбези;

отсюда начинались уже мѣста хорошо знакомыя, и путники не казались туземцамъ чужими и подозрительными людьми. Даже страшный Мпенде въ самомъ дружественномъ настроеніи пришелъ къ Ливингстону и, взявъ полученныхъ отъ него подарковъ, подарилъ ему козу, корзину варенаго маиса и корзину полевого гороха. 26-го іюня караванъ былъ у развалинъ португальскаго поселенія Сумбо, при впаденіи Лоангвы въ Замбези. Путешествуя теперь по странамъ уже извѣстнымъ, пользуясь удобствами, какихъ онъ прежде былъ лишенъ, Ливингстонъ отмѣчаетъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ всѣ особенности проходимыхъ мѣстностей, могущія имѣть значеніе для европейской торговли; онъ тщательно описываетъ деревья, травянистыя растенія и съѣдобныя плоды и изображаетъ поразительное множество встрѣчающихся тамъ млекопитающихъ и разнообразныхъ птицъ. Среди этой богатой природы, опустошенія, производимыя рукой чловѣка, оказывали на Ливингстона особенно удручающее впечатлѣніе. Единственную возможность вывести Африку изъ состоянія вѣчной войны, грабежа и похищенія людей, онъ продолжалъ видѣть въ учрежденіи европейскихъ колоній повсюду, гдѣ условія мѣстности хотя нѣсколько благопріятствуютъ тому. Главное препятствіе для нихъ—губительную африканскую лихорадку,—онъ не считалъ непреодолимымъ. Предохраняющимъ средствомъ отъ нея онъ признавалъ работу и движеніе на свѣжемъ воздухѣ, а для излеченія ея придумалъ особыя пилюли, состоявшія изъ ялалпы, каломеля, ревеня и хинина. Во время описываемаго путешествія онъ имѣлъ случай испытать дѣйствительность этого средства на своемъ спутникѣ, д-рѣ Кэркѣ; тотъ подвергся такому сильному приступу лихорадки, что временно лишился зрѣнія и отъ слабости не могъ держаться на ногахъ; пріемъ пилюль Ливингстона вполне возстановилъ его. Ливингстонъ отмѣтилъ въ своихъ дневникахъ много оригинальныхъ картинъ безлюдныхъ мѣстностей, которыми завладѣли дикія животныя—стада слоновъ, буйволовъ, зебръ, антилопъ и пр., пасущіяся на лугахъ и медленно удаляющіяся при видѣ каравана, стаи обезьянъ, быстро скрывающіяся въ лѣсу при появленіи путниковъ, огромныя стаи пессарокъ, франколиновъ, дикихъ голубей, поднимающіяся надъ лѣсомъ и т. д. Встрѣча съ громаднымъ чернымъ носорогомъ въ заросляхъ колючаго кустарника едва не стоила жизни Ливингстону.

11-го іюля караванъ переправился черезъ Кафую, при впаденіи

этой рѣки въ Замбези. Дальнѣйшее движеніе каравана напоминало собою триумфальное шествіе: такъ радостно и дружелюбно населеніе встрѣчало Ливингстона. Караванъ оставилъ Замбези при впаденіи р. Сонгвы и поднялся на хребетъ Батока. По волнообразной плоской возвышенности онъ достигъ долины Маколола, и 4-го августа приблизился къ деревнямъ батоковъ, подвластныхъ Секелету. Послѣдній находился въ то время въ Сешеке, куда Ливингстонъ прибылъ 18-го августа. Секелетъ переживалъ тяжелое время: онъ самъ былъ пораженъ проказой, а страна его терпѣла отъ неурожая, вслѣдствіе недостатка дождей; онъ жилъ на противоположномъ берегу рѣки и никого не допускалъ къ себѣ. Однако для европейцевъ было сдѣлано исключеніе, и Секелетъ просилъ Ливингстона и Карка дать ему средство отъ его болѣзни. Въ ихъ дорожной аптеке не нашлось лекарства отъ кожныхъ болѣзней, и они должны были ограничиться нѣкоторыми внутренними средствами и прижиганіемъ ляписомъ, что впрочемъ оказало весьма успѣшное дѣйствіе. Въ Линьянти Ливингстона встрѣтили какъ близкаго друга: начальники города выражали горькія сожалѣнія, что имъ нечѣмъ угостить его, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни молока, ни хлѣба, ни пива; жены Секелета принесли ему варенаго мяса и пирожковъ, приготовленныхъ ими самими. Повозка Ливингстона, остававшаяся въ Линьянти, пострадала только отъ бѣлыхъ муравьевъ; люди ничего не тронули въ ней, и Ливингстонъ могъ опять пользоваться ящикомъ съ лекарствами, инструментами, книгами и волшебнымъ фонаремъ. Въ Линьянти онъ узналъ грустную новость о гибели англійской миссии, присланной туда лондонскимъ миссіонерскимъ обществомъ. Миссіонеръ Гельморъ, его жена, трое бѣлыхъ и четверо черныхъ спутниковъ умерли отъ лихорадки, и даже нельзя было найти ихъ могилы. Зато Ливингстона порадовали извѣстія о Сечелѣ, начальникѣ бакуэновъ, обращенномъ имъ въ христіанство: онъ подчинилъ своей власти девять племенъ, далъ у себя мѣсто ганноверской миссии и заботился о процвѣтаніи школъ въ своихъ владѣніяхъ.

Черезъ три дня Ливингстонъ вернулся въ Сешеке; онъ не могъ тамъ остаться болѣе мѣсяца, такъ какъ въ ноябрѣ поджидалъ новый пароходъ изъ Англій. Это было его послѣднее свиданіе съ Секелетомъ: тотъ умеръ въ 1864 г., и царство его распалось.

Сообщенія Ливингстона о пригодности долины верхняго Шире и страны около озера Ніасса для европейской колонизаціи возбудили живѣйшее вниманіе въ Англїи, и англійскіе университеты (оксфордскій и кэмбриджскій) пожелали отправить отъ своего имени миссію для просвѣщенія народовъ недавно изслѣдованной области. Эта миссія, называвшаяся „университетскою“, напряженно ожидалась Ливингстономъ, который для встрѣчи ея 4-го января 1861 г., высадился на берегу Конгоны. Однако раньше миссии прибылъ пароходъ „Пионеръ“, назначенный замѣнить „Ма-Робертъ“, подъ конецъ затонувшій въ Замбези. Вскорѣ два англійскіе крейсера привезли миссіонеровъ; это было первое отдѣленіе миссии, состоявшее изъ епископа Мэкензи, пяти англичанъ и пяти цвѣтныхъ людей изъ Капской колоніи. Ливингстонъ радостно привѣтствовалъ ихъ, считая прїѣздъ миссии началомъ новой эпохи просвѣщенія и умиротворенія Африки. Епископу Мэкензи хотѣлось тотчасъ-же отправиться на мѣсто своего служенія; но, въ виду возможности стѣсненій со стороны португальцевъ на пути по Замбези и Ширé, англійское правительство прислало Ливингстону порученіе изслѣдовать рѣку Ровуму, впадающую въ океанъ гораздо сѣвернѣе (вблизи мыса Дельгадо). Епископъ желалъ принять участіе въ этомъ изслѣдованіи и на время отвезъ своихъ спутниковъ на островъ Іоанну (одинъ изъ близъ лежащихъ Коморскихъ острововъ). Между тѣмъ уровень воды въ Ровумѣ успѣлъ настолько опуститься, что плаваніе по ней пришлось отложить до другого времени.

Захвативъ остальныхъ членовъ миссии съ о. Іоанны, „Пионеръ“ привезъ ихъ къ Конгонѣ и оттуда направился по Замбези и Ширé. Конструкція „Пионера“ не оставляла желать ничего лучшаго, но, будучи построена и для рѣчнаго, и для морского плаванія, онъ сидѣлъ въ водѣ слишкомъ глубоко, что оказалось существеннымъ недостаткомъ на верхнемъ Ширé. Въ деревнѣ Чибизы путешественниковъ ожидали тревожныя вѣсти. Покровительство португальцевъ торговлѣ невольниками въ этой странѣ уже было открытымъ; они воспользовались путями, найденными Ливингстономъ, и мѣстность, недавно столь мирная, находилась теперь въ величайшемъ смятеніи, благодаря шайкамъ аявовъ, грабившимъ манганджей и удивившимъ плѣнниковъ для продажи въ португальскія колоніи. Вскорѣ Ливингстонъ могъ лично убѣдиться въ справедливости этихъ слуховъ. Начальникъ деревни, гдѣ онъ остановился, извѣстилъ его, что здѣсь должна пройти партія невольниковъ, отправляемая въ

Тете. Являлся серьезный вопросъ, какъ въ этомъ случаѣ должна поступить миссія? По совѣту Ливингстона, рѣшено было выкупить невольниковъ, чтобы показать туземцамъ различіе между англичанами и португальцами. Но предводители каравана, едва завидѣвъ англичанъ, бѣжали въ лѣсъ, бросивъ рабовъ. Послѣдніе были освобождены изъ своихъ цѣпей и рогатокъ, и имъ было предложено возвратиться домой или остаться при мисіи; всѣ они, въ числѣ 84, предпочли остаться. Манганджи выказывали большое расположеніе къ англичанамъ. Чигунда, начальникъ одной изъ ихъ деревень, просилъ Мэкензи основаться у него, въ Магомерѣ. Ливингстонъ совѣтовалъ принять предложеніе Чигунды, позволявшее мисіи поселиться вблизи озера Ніассы и р. Ровумы, внѣ сферы непосредственнаго вліянія португальцевъ. Въ виду того, что эта мѣстность терпѣла отъ набѣговъ аявовъ, рѣшено было вступить съ ними въ сношеніе. Вскорѣ аявы появились въ окрестностяхъ Магомера и сожгли одну изъ деревень. Оставивъ освобожденных невольниковъ, миссіонеры отправились навстрѣчу аявамъ, чтобы начать переговоры съ ними. Однако тѣ окружили ихъ, намѣреваясь поступить съ ними также, какъ и съ манганджами. На всѣ увѣренія, что бѣлые пришли съ мирными цѣлями, они отвѣчали стрѣлами и пулями, наступая все болѣе и болѣе на европейцевъ. Когда аявы съ дикими криками и плясками, продолжая выпускать стрѣлы и стрѣлять изъ ружей, приблизились къ путешественникамъ на разстояніе 75 шаговъ, тѣ поневолѣ должны были сдерживать ихъ натискъ оружіемъ. Несмотря на очевидную необходимость, обращеніе оружія противъ человѣка чрезвычайно потрясло Ливингстона; онъ, никогда не носившій даже револьвера, иначе какъ на охотѣ, въ эти тревожныя минуты вынужденъ былъ вооружиться. Его заботили и будущія отношенія епископа Мэкензи и его спутниковъ къ хищникамъ, посѣщавшимъ эту страну. Всѣ, кромѣ него, склонялись къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ аявовъ, чтобы заставить ихъ прекратить набѣги. Ливингстонъ убѣждалъ епископа, рѣшившагося остаться въ Магомерѣ, быть какъ можно осторожнѣе и не вмѣшиваться въ распри туземцевъ. Выбравъ удобное мѣсто подъ тѣнистыми деревьями на берегу рѣчки Магомеры, епископъ приступилъ къ основанію поселенія, а Ливингстонъ простился съ нимъ, чтобы заняться изслѣдованіемъ оз. Ніассы и окружающей его страны.

Изслѣдованіе о. Ніассы продолжалось отъ 2 сентября до 22 ок-

тября. Ливингстонъ измѣрилъ поверхность и глубину озера; при этихъ работахъ ему приходилось преодолевать такія сильныя бури, что однажды онъ едва не погибъ. Еще нигдѣ въ Африкѣ онъ не видалъ столь густого населенія, какъ на берегахъ о. Ніасса; на южномъ берегу деревни почти непрерывной цѣпью тянулись одна за другой. Мѣстные жители — мирные земледѣльцы, занимающіеся обработкой риса, маиса, проса, маниока и пр. Страна къ сѣверу отъ Ніассы страдала въ то время отъ набѣговъ мазитовъ, одного изъ племенъ воинственныхъ зулусовъ. Ливингстону пришлось встрѣтиться съ ними, но, благодаря его твердости и хладнокровію, мазиты не сдѣлали никакого вреда ни ему, ни его спутникамъ. Мѣстность къ сѣверу отъ озера гориста; проходя по ней, часто приходилось пересѣкать рѣчныя долины и взбираться по крутизнамъ; еще не задолго передъ тѣмъ здѣсь было многочисленное населеніе, но теперь деревни стояли покинутыми.

Вынужденный оставить дальнѣйшія изслѣдованія озера Ніассы, по недостатку сѣстныхъ припасовъ, Ливингстонъ спустился по Ширѣ, 8-го ноября сѣлъ на „Піонера“ и направился къ устьямъ Замбези, куда англійскій корабль долженъ былъ доставить его жену, нѣсколькихъ лицъ, принадлежавшихъ къ университетской миссіи, и новый пароходъ, предназначенный для плаванія по Ніассѣ. Въ шести верстахъ ниже деревни Чибизы „Піонеръ“ наскочилъ на мель и потребовалось пять недѣль, чтобы онъ могъ, благодаря подъему воды, продолжать путь. 11-го января 1862 г. пароходъ наконецъ вступилъ въ Замбези и дошелъ до большого устья, Луаба. 31-го января показался военный фрегатъ „Горгона“. Первое февраля было радостнымъ днемъ для Ливингстона: его жена опять была съ нимъ, и ему былъ доставленъ заказанный имъ пароходъ для плаванія по озеру Ніасса, названный „Леди Ніасса“. Чтобы не пропустить времени разлива Замбези, надо было спѣшить. Уже 10-го февраля „Піонеръ“, нагруженный между прочимъ и частями новаго парохода, поднимался вверхъ по Замбези. Машины „Піонера“ были не совсѣмъ исправны и работали плохо. Трудность борьбы съ быстрымъ теченіемъ заставила Ливингстона выгрузить „Леди Ніассу“ въ Шупангѣ. Онъ справился съ этими неудачами съ обычной веселостью, изумлявшею всѣхъ, кто его зналъ. Но въ Шупангѣ его ожидали два удара, которые поколебали и его несокрушимую энергію. Дойдя до деревни Чибизы, онъ узналъ, что епископа Мэкензи и сопро-

вождавшаго его миссіонера уже не было въ живыхъ. При переправѣ черезъ Ширé, ихъ лодка опрокинулась, и всѣ ихъ припасы и лекарства погибли; заболѣвъ лихорадкой, они, лишенные всякой помощи, умерли въ прибрежной хижинѣ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, Ливингстонъ почти всю ночь просидѣлъ въ полусвѣщенной каютѣ въ глубокомъ уныніи, предвидя, что общественное мнѣніе Англіи выскажется противъ его проэкта просвѣщенія Африки, и всѣ его труды пропадутъ даромъ. Вскорѣ его постигло еще большее горе. 21-го апрѣля жена его заболѣла лихорадкой и 27 того-же мѣсяца умерла въ Шупангѣ. Находившійся около него шотландскій священникъ д-ръ Стьюартъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ первыя минуты послѣ ея смерти Ливингстонъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Онъ самъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что тогда онъ въ первый разъ желалъ для себя смерти.

ГЛАВА IX.

Изслѣдованіе рѣки Ровумы. Послѣдняя поѣздка въ Англію.

Плаваніе по Ровумѣ.—Пороги.—Опустошеніе въ долинѣ Шире.—Отозваніе экспедицій.—Изслѣдованіе страны на западѣ отъ оз. Ніассы.—Переѣздъ въ Бомбей.—Прибытіе въ Лондонъ.—Новая книга.—Планъ третьяго путешествія.

Душевный міръ Ливингстона раскрывается всего болѣе въ его письмахъ къ близкимъ людямъ; въ этихъ письмахъ можно видѣть, какую незаживающую сердечную рану нанесла ему смерть жены. Въ дневникѣ, куда онъ заноситъ лишь дѣловыя и научныя замѣтки, почти ни въ чемъ не отражается его горе. Онъ такъ строго отдѣлялъ свою личную жизнь отъ принятой на себя обязанности, что вскорѣ послѣ смерти жены вернулся опять къ своему дѣлу и занялся собираніемъ „Леди Ніасса“. Къ сожалѣнію, время года не позволяло провести пароходъ въ озеро того-же имени, и этого нельзя было сдѣлать ранѣе декабря. Шестъ мѣсяцевъ, оставшіеся до новаго половодья Замбези, Ливингстонъ рѣшилъ употребить на изслѣдованіе Ровумы, полагая, что эта рѣка вытекаетъ изъ Ніассы и даетъ доступъ къ озеру, свободный отъ вліянія португальцевъ.

Англійскій военный фрегатъ привелъ „Піонера“ на буксирѣ къ устью Ровумы. Долина этой рѣки, окруженная съ обѣихъ сторонъ возвышенностями, вначалѣ имѣла ширину отъ 1—2 часовъ пути. Прибрежное населеніе будучи напугано работоторговцами, сперва разбѣгалось при видѣ двухъ большихъ лодокъ съ бѣлыми людьми, одни племена соглашались уступать путешественникамъ свои продукты, другіе угрожали имъ стрѣлами. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ рѣка съуживается, опасность отъ дикарей, преслѣдовавшихъ лодки по берегу, общала сдѣлаться весьма серьезной и ѣхавшіе на лодкахъ спаслись, только благодаря неожиданно поднявшемуся вѣтру. Выше прибрежные жители оказывались дружелюбнѣе, но

зато рѣка становилась все уже и утесистѣе. Въ 250 верстахъ отъ устья путники встрѣтили пороги и узнали, что далѣе проходъ по рѣкѣ еще болѣе стѣсняется скалами. вмѣстѣ съ тѣмъ они узнали, что Ровума не вытекаетъ изъ озера, а беретъ свое начало въ горахъ. Это обстоятельство заставило Ливингстона отдать предпочтеніе пути черезъ Ширѣ.

10-го января 1863 г. „Пионеръ“, вѣдя „Леди Ніассу“ на буксирѣ, уже поднимался по Ширѣ. Красивая долина рѣки представляла ужасную картину. Разбойникъ Маріанъ, по оплошности португальцевъ, получилъ свободу и возобновилъ свои грабежи въ еще большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Повсюду виднѣлись сожженные деревни, блуждающіе голодные люди и истлѣвающіе трупы. Несмотря на множество крокодиловъ, рѣка была переполнена человѣческими тѣлами; ночью ихъ такъ много прибывало къ пароходу, что утромъ приходилось очищать отъ нихъ путь. Къ этимъ ужасамъ присоединялась еще засуха и порождаемый ею голодъ. Ливингстонъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы обратить вниманіе англійскаго и португальскаго правительствъ на страшное положеніе недавно столь цвѣтущей области, но его письма къ лорду Росселю и къ португальскимъ резидентамъ ни къ чему не повели, кромѣ безплодной дипломатической переписки и неисполненныхъ обѣщаній.

Пароходы поднимались съ большими затрудненіями вслѣдствіе постоянно возростающаго обмелѣнія рѣки; на одной мели пароходъ долженъ былъ оставаться около двухъ недѣль, прежде чѣмъ могъ двинуться далѣе. Дойдя до перваго изъ водопадовъ Мурчисона, „Леди Ніассу“ въ разобранномъ видѣ надо было нести на пространствѣ около 60 верстъ и для этой цѣли очищать дорогу отъ камней и деревьевъ. За недостаткомъ овощей, все продовольствіе состояло изъ соленнаго мяса, что вызывало сильныя диссентеріи. Докторъ Кэркъ и братъ Ливингстона настолько разстроили свое здоровье, что возвращеніе въ Англію для нихъ казалось необходимымъ. Наконецъ и самъ Ливингстонъ занемогъ и проболѣлъ болѣе мѣсяца. Оставшись только съ двумя изъ спутниковъ, онъ все еще не отказывался отъ намѣренія доставить пароходъ до озера Ніассы. Это намѣреніе не осуществилось, благодаря денешѣ лорда Росселя, отзывавшей экспедицію на томъ основаніи, что ея цѣль—проложить новый торговый путь для Англій—не была достигнута, и стоимость ея превысила первоначальныя предположенія. Ливингстонъ предугадывалъ это рѣшеніе своего

правительства, и оно огорчало его только въ томъ отношеніи, что полагало конецъ его стремленіямъ противодѣйствовать провозу невольниковъ черезъ озеро Ніасса. До сихъ поръ онъ надѣялся, что правительство возьметъ на себя часть расходовъ по сооруженію „Леди Ніассы“, стоившей ему болѣе 50,000 рублей, но въ депешѣ лорда Росселя о возмѣщеніи его затратъ не говорилось ни слова: на помощь правительства уже нельзя было надѣяться. Ливингстонъ рѣшился продать „Леди Ніассу“ и на вырученныя деньги продолжать дѣло изслѣдованія и просвѣщенія Африки.

По распоряженію правительства, „Піонеръ“ долженъ былъ возвратиться въ Англію. Ранѣе декабря, т. е. до наступленія половодья, этого сдѣлать было нельзя, и Ливингстону хотѣлось воспользоваться свободнымъ временемъ для обозрѣнія сѣверной части озера Ніасса и области, лежащей на западъ отъ него. Его прежніе спутники уже не въ силахъ были примкнуть къ нему въ новомъ путешествіи, но самъ онъ въ предстоявшей ему тяжелой работѣ находилъ лишь выходъ отъ угнетавшихъ его несчастій и неудачъ. Насколько непрерывная, напряженная дѣятельность была присуща его натурѣ, мы видимъ изъ тѣхъ мѣстъ его писемъ, гдѣ онъ по поводу смерти жены говоритъ о загробной жизни. Въ нихъ замѣтно нѣчто вродѣ предчувствія скорой кончины и невозможности завершить начатое имъ дѣло, однако смерть не кажется ему окончаніемъ всякой дѣятельности: онъ не можетъ помириться съ мыслью, что душа его, покинувъ тѣло, будетъ осуждена на бездѣйствіе. На вопросъ одного изъ миссіонеровъ, думаетъ-ли онъ вернуться въ Англію вмѣстѣ съ экспедиціей, Ливингстонъ отвѣтилъ: „Мой долгъ не указываетъ мнѣ возвращенія домой, и потому я остаюсь“.

Предпринятое имъ путешествіе на западъ отъ оз. Ніасса ему пришлось сдѣлать пѣшкомъ въ сопровожденіи одного бѣлаго и нѣсколькихъ чернокожихъ спутниковъ. Онъ открылъ тогда горный хребетъ, названный имъ хребтомъ Кэрка, тянущійся отъ западной стороны водопадовъ Мурчисона до сѣверной оконечности озера Ніасса, и, двигаясь далѣе въ сѣверо-западномъ направленіи, прошелъ черезъ плодородную страну, тщательно обработанную руками женщинъ и засѣянную маниомъ, поднимавшимся выше головы человѣка, хлопчатникомъ, просомъ, бобами, маниокомъ и тыквами. Между маленькимъ озеромъ Чиа, соединяющимся рукавомъ съ Ніассой, до бухты Кота-Кота оказалась

также весьма населенная страна. Въ половинѣ сентября Ливингстонъ оставилъ названную бухту и направился на западъ отъ озера по дорогѣ, служившей для торговли невольниками, къ деревнямъ, находившимся подъ властью Катанги и Каземба въ странѣ Лунда. Пройдя черезъ богатую, хорошо обработанную долину, онъ съ большимъ трудомъ поднялся на горный хребетъ, откуда открывался необыкновенно красивый видъ на озеро; къ западу простиралась волнообразная плоская возвышенность, а къ сѣверу, въ нѣкоторомъ отдаленіи, показывались темныя горныя массы. 27-го сентября Ливингстонъ пришелъ къ деревнѣ Чинангѣ, расположенной на рукавѣ Лоангвы, но, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, далѣе проникнуть не могъ. 1-го ноября онъ уже вернулся къ оставленнымъ имъ пароходамъ. Насколько это путешествіе изнурило его, можно видѣть изъ словъ его дневника, гдѣ онъ говоритъ, что, по возвращеніи къ исходному пункту, мышцы у него и у его спутниковъ „были тверды, какъ доски, и во семь тѣлѣ не оставалось ни одного унца жиру“.

Въ половинѣ января 1864 г. вода въ Ширѣ настолько поднялась, что пароходы могли выдти оттуда. На Замбези вода была также высока; проѣзжая по этой рѣкѣ, Ливингстонъ еще разъ могъ подтвердить свое мнѣніе, что въ рукахъ энергичныхъ людей, при небольшихъ исправленіяхъ фарватера, судоходство здѣсь вполне возможно. Въ половинѣ февраля англійскіе фрегаты повели „Леди Ніассу“ и „Пионера“ на буксирѣ въ Мозамбикъ. Во время этого перехода жестокая буря едва не погубила всѣ суда. Передавъ „Пионера“ морскимъ офицерамъ, какъ правительственную собственность, Ливингстонъ рѣшилъ отправиться на „Леди Ніассѣ“ въ Бомбей, чтобы продать тамъ свой пароходъ, затѣмъ побывать въ Англии, въ надеждѣ расположить вліятельныхъ людей къ мѣрамъ противъ торговли невольниками, и потомъ опять вернуться въ Африку съ цѣлью найти путь въ ея внутреннія страны, находящіяся внѣ португальскаго вліянія.

16-го апрѣля онъ вышелъ на „Леди Ніассѣ“ изъ Мозамбика и черезъ недѣлю уже былъ въ Занзибарѣ. Хотя ему не совѣтовали пускаться въ путь, въ виду скорого наступленія времени муссоновъ, особенно опасныхъ при первомъ ихъ появленіи, однако Ливингстонъ 30-го апрѣля 1864 г. вышелъ въ Индійскій океанъ. Экипажъ его состоялъ изъ трехъ англичанъ—истопника, матроса и плотника, семи взрослыхъ чернокожихъ и двухъ мальчиковъ; обя-

занности капитана исполнялъ онъ самъ. Плаваніе представило немало опасностей—отъ противныхъ теченій и безвѣтрія; тѣмъ не менѣе 11-го іюня Ливингстонъ, сдѣлавъ на своемъ пароходѣ 2,500 морскихъ миль, увидалъ берегъ Индіи. При входѣ въ бомбейскую гавань, маленькій пароходъ среди другихъ былъ почти не замѣтенъ. У Ливингстона не достало духа тогда-же продать „Леди Ніассу“, и онъ оставилъ ее въ Бомбей, все еще надѣясь найти въ Англии людей, которые помогли-бы осуществленію его мысли — положить конецъ торгу невольниками на озерѣ Ніасса. Онъ занялъ 1,200 рублей на дорогу и, отплывъ съ однимъ изъ своихъ людей въ Англию, 23-го іюля благополучно достигъ Лондона.

Послѣ торжественныхъ пріемовъ у лорда Пальмерстона, герцогини Веллингтонъ и др. лицъ высшаго общества, Ливингстонъ посѣщилъ въ Гамилтонъ для свиданія съ матерью, сестрами и дѣтьми. Тамъ онъ въ первый разъ увидалъ свою младшую дочь Анну-Марію, которой уже было шесть лѣтъ. Всѣ дѣти наконецъ были около него, за исключеніемъ старшаго сына Роберта, сражавшагося въ Америкѣ за освобожденіе негровъ. По приглашенію британскаго общества для развитія наукъ, собиравшагося въ этомъ году въ Батѣ, Ливингстонъ долженъ былъ прочесть въ общемъ собраніи сѣзда докладъ о своемъ путешествіи и положеніи Африки; въ этомъ докладѣ онъ безпощадно отнесся къ поощренію португальцами торговли невольниками, что вызвало величайшее неудовольствіе португальскаго правительства. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ приглашеніе отъ Вэбба и его жены, которыхъ зналъ еще въ Колобонгѣ, погостить въ ихъ замкѣ, нѣкогда составлявшемъ собственность Байрона. Ливингстонъ поселился у нихъ со своей дочерью Агнесой и написалъ тогда свое второе сочиненіе „Разсказъ объ экспедиціи на Замбези и ея притоки“. 15-го апрѣля 1865 г. книга была окончена. Въ то время, когда авторъ еще работалъ надъ нею, въ Ньюстэдѣ пріѣхалъ членъ королевскаго совѣта, которому было поручено лордомъ Пальмерстономъ узнать, чего Ливингстонъ желалъ-бы отъ правительства для себя и для своихъ дѣтей? Ливингстонъ просилъ обезпечить свободу плаванія по Замбези и Шире посредствомъ особаго договора съ португальцами. Не упоминая вовсе о себѣ и о дѣтяхъ, онъ просилъ о мѣстѣ для д-ра Кэрка, чтобы дать тому возможность написать задуманную имъ книгу по естествознанію. Уже независимо отъ Ливингстона, по ходатайству Мурчисона, Чарльзъ Ливингстонъ былъ назначенъ

консуломъ въ Фернандо-По. Американскій посланникъ обѣщаль позаботиться о судьбѣ Роберта, но вскорѣ было получено извѣстіе о его смерти въ одномъ изъ госпиталей Новой Каролины.

25-го апрѣля Ливингстонъ простился со своими гостепріимными хозяевами и уѣхаль въ Лондонъ. Тамъ ему данъ былъ блестящій обѣдъ отъ королевскаго общества, на которомъ присутствовали высшіе представители духовенства, администраціи и ученыхъ обществъ. По возвращеніи въ Шотландію, ему вскорѣ пришлось похоронить свою мать. Въ Гамильтонѣ онъ присутствовалъ на раздачѣ школьныхъ наградъ, одну изъ которыхъ получилъ его сынъ Освелль. По желанію присутствующихъ, Ливингстонъ сказаль короткую рѣчь ученикамъ. Это была послѣдняя рѣчь, сказанная имъ публично въ Англии. Послѣ того онъ уѣхаль въ Лондонъ, чтобы готовиться къ новому путешествію въ Африку.

Планъ его третьяго путешествія заключался въ томъ, чтобы пройти къ сѣверу отъ португальскихъ владѣній, по Ровумѣ или по другой рѣкѣ, внутрь материка и попытаться найти тамъ удобное мѣсто для поселенія, съ цѣлью распространенія христіанства и цивилизаціи и установленія правильныхъ торговыхъ сношеній между восточнымъ берегомъ и внутренней Африкой. По порученію лондонскаго географическаго общества, онъ долженъ былъ изслѣдовать область между сѣверной оконечностью оз. Ніассы и южною оконечностью оз. Танганьики, чтобы рѣшить вопросъ о водораздѣлахъ Южной Африки. Географическое общество назначило ему для этого путешествія 5,000 рублей, а одинъ изъ его друзей, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, далъ на тотъ-же предметъ 10,000 рублей. Министерство иностранныхъ дѣлъ выдало ему одновременно 5,000 рублей и назначило его англійскимъ консуломъ на всемъ пространствѣ отъ португальской границы до Абиссиніи и Египта, но безъ жалованья и безъ пенсіи. Ливингстонъ, преодолевъ чувство оскорбленія, вызванное подобнымъ отношеніемъ къ нему правительства, простился съ друзьями, которые обѣщали ему позаботиться о его дѣтяхъ (чего впрочемъ не исполнили), и въ половинѣ августа 1865 г. въ послѣдній разъ покинулъ родину.

ГЛАВА X.

Путешествіе къ озеру Танганьика. Открытіе озеръ Моэро и Бангвеоло.

Ислѣдованіе области между р. Ровумой и оз. Ніассой. — Движеніе къ оз. Танганьикѣ. — Рѣка Чамбезе. — Открытіе оз. Моэро. — Казембе. — Открытіе оз. Бангвеоло. — Путь въ Уджиджи. — Попытки дойти до Луалабы. — Прибытіе въ Ніанге. — Возвращеніе въ Уджиджи.

11-го сентября Ливингстонъ уже былъ въ Бомбеѣ. Продажа „Леди Ніасса“ являлась теперь неизбѣжной, но она дала не болѣе 20,000 рублей.; къ несчастію и эти деньги погибли вслѣдствіе несостоятельности индійскаго банка. 28-го января 1866 года Ливингстонъ прибылъ въ Занзибаръ и вынужденъ былъ ожидать тамъ почти два мѣсяца до прихода англійскаго фрегата, назначеннаго доставить его къ устью Ровумы. 19-го марта онъ отбылъ изъ Занзибара въ сопровожденіи 13 сипаевъ (индійскихъ солдатъ), двухъ людей изъ Шупанга и десяти съ о. Іоанны, двухъ темнокожихъ мальчиковъ изъ свиты Мэкензи и девяти другихъ, освобожденных изъ неволи и возвращавшихся на родину. Кромѣ того, онъ везъ съ собою нѣсколько животныхъ—верблюдовъ, индійскихъ буйволовъ, муловъ и ословъ, въ надеждѣ, что они окажутся нечувствительными къ укушенію мухи цеце и разведутся въ Африкѣ.

Отъ бухты Ровумы Ливингстонъ намѣревался отправиться пѣшкомъ; но берега рѣки при устьѣ были покрыты зарослями и находились подъ водой; поэтому онъ высадился въ бухтѣ Микиндани. 4 апрѣля, съ радостнымъ сознаніемъ важности совершаемаго имъ дѣла, неутомимый путешественникъ выступилъ въ путь. По возвышеннымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ, онъ вскорѣ дошелъ до того пункта, гдѣ въ свое первое путешествіе по Ровумѣ долженъ былъ повернуть назадъ, и черезъ два дня достигъ до сліянія Лоенди съ Ровумой. Страна къ западу, по которой шла дорога къ сѣверной оконечности озера Ніассы, по рассказамъ туземцевъ, оказывалась слишкомъ гориста и

неспокойной отъ набѣговъ мазитовъ; тогда Ливингстонъ двинулся въ юго-восточномъ направленіи къ средней части оз. Ніассы. Повсюду ему приходилось видѣть слѣды опустошительной дѣятельности работорговцевъ. Перейдя черезъ Тулозу, одинъ изъ южныхъ притоковъ Ровумы, онъ попалъ въ возвышенную, хорошо обработанную и густо населенную страну; но туземцы, не нуждавшіеся въ европейскихъ товарахъ, которыми ихъ въ изобиліи надѣляли торговцы невольниками, не хотѣли продавать съѣстныхъ припасовъ. Ливингстону съ его людьми приходилось терпѣть жестокую нужду. Въ городѣ Моембѣ оказалось однако возможнымъ достать все необходимое, вслѣдствіе дружелюбнаго отношенія къ Ливингстону начальника города, Матаки. Благопріятныя климатическія и хозяйственныя условія Моембы наводили Ливингстона на мысль о возможности основать здѣсь европейское поселеніе; однако отдаленность этой мѣстности заставляла отдавать предпочтеніе мѣстности, избранной на Ширѣ. Въ Моембѣ Ливингстонъ отправилъ назадъ сипаевъ, оказавшихся непригодными для него, такъ какъ они мучили и изводили привезенныхъ животныхъ, не хотѣли работать и склоняли къ тому-же другихъ.

Отдохнувъ у гостепріимнаго Матаки и запасшись продовольствіемъ, Ливингстонъ 8 августа достигъ оз. Ніассы. Арабы отказывались перевезти его на другую сторону, и онъ повернулъ къ югу, надѣясь найти переправу на Ширѣ. Его люди, взятые съ острова Іоанны, оставили его тогда, подъ предлогомъ опасности, какою угрожали мазиты. Ливингстонъ отпустилъ ихъ безъ малѣйшаго сожалѣнія, потому что они жестоко обкрадывали его; вернувшись въ Занзибаръ, чтобы оправдать свое бѣгство, они распустили слухъ о смерти Ливингстона *). Чтобы избѣжать столкновеній съ мазитами, Ливингстонъ повернулъ въ область, обитаемую марави (однимъ изъ племенъ манганджей) и подвигался къ сѣверо-западу, не теряя изъ вида рѣшенія вопроса о водораздѣлѣ средней Африки. Слухи о появленіи мазитовъ часто заставляли его мѣнять направленіе; какъ онъ самъ говоритъ, маршрутъ его походилъ на движеніе корабля, борящагося съ вѣтромъ. Послѣ многихъ обходовъ, въ половинѣ декабря, онъ пришелъ къ берегу р. Ло-

*) Эти слухи дошли до Англій и по настоянію Мурчисона была послана экспедиція, подъ предводительствомъ Эд. Юнга; вблизи южной оконечности оз. Ніассы она собрала достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Ливингстонъ живъ, и вернулась назадъ.

ангвы и, переправившись черезъ нее, взялъ направленіе къ оз. Танганьикѣ. Кромѣ затрудненія, какое доставляло путешествіе пѣшкомъ, Ливингстону приходилось терпѣть большія лишенія отъ голода, отъ движенія по темнымъ, трудно проходимымъ лѣсамъ и отъ дождей. Опасности, какія онъ переносилъ, увеличились еще болѣе отъ потери ящика съ лекарствами, съ которымъ бѣжалъ одинъ изъ носильщиковъ. „Для меня это было своего рода смертнымъ приговоромъ“ говоритъ Ливингстонъ въ дневникѣ, но въ то же время прибавляетъ, что еще болѣе, чѣмъ прежде, надѣется на Бога, не оставлявшаго его среди безчисленныхъ опасностей.

28-го января 1867 г. онъ достигъ рѣки Чамбезе и очутился въ странѣ Бемба. Въ деревнѣ Молебѣ, которую управлялъ Читанганва, онъ былъ хорошо принятъ послѣднимъ и нашелъ возможность послать съ арабами, отправлявшимися на восточный берегъ, письма въ Англію. Дожди и сильный приступъ ревматической лихорадки задержали Ливингстона въ Молебѣ. Далѣе ему пришлось идти болотистыми мѣстами и переходить въ бродъ черезъ разлившіяся рѣчки. „Съ каждымъ шагомъ, пишетъ онъ въ дневникѣ, я чувствую, какъ у меня болитъ грудь и какъ я слабѣю; я едва въ силахъ идти, между тѣмъ какъ прежде всегда былъ впереди всѣхъ. У меня непрерывный звонъ въ ушахъ, и я не могу даже слышать стука моихъ часовъ“. Отъ резиденціи Казонзо, властителя обширной области около оз. Лимба, т. е. южной части оз. Танганьики, оставалось лишь нѣсколько дней пути до этого озера; но путь затруднялся многочисленными рѣчками и дурнымъ состояніемъ здоровья Ливингстона. Наконецъ онъ увидалъ зеленоватыя воды громаднаго озера. Слабость Ливингстона доходила до такой степени, что лишь величайшими усиліями воли онъ поддерживалъ въ себѣ видимую бодрость; однако силы уже настолько оставили его, что однажды онъ упалъ, ударился головою объ ящикъ и пролежалъ нѣсколько часовъ въ безсознательномъ состояніи. Оправляясь медленно, за недостаткомъ лекарствъ, великій географъ прожилъ недѣлю въ маленькой деревенькѣ на берегу Танганьики, утѣшаясь только созерцаніемъ мирной и величавой картины обширной поверхности озера.

Дальнѣйшею цѣлью, какую ставилъ себѣ Ливингстонъ, было изслѣдованіе озера Моэро для рѣшенія вопроса, принадлежитъ-ли оно къ бассейну Конго или Нила? Ради безопасности отъ напа-

деній мазитовъ и отъ туземцевъ, не заслуживавшихъ довѣрія, онъ присоединился къ арабскому каравану и выступилъ съ нимъ въ путь 22-го сентября (1867 г.). Переваливая черезъ лѣсистыя горы, переправляясь черезъ широкія рѣки и проходя болотистыми пространствами, 8-го ноября Ливингстонъ пришелъ къ сѣверной оконечности оз. Моэро, причѣмъ сдѣлалъ новое, весьма важное открытіе. Онъ убѣдился, что это озеро на своей южной оконечности принимаетъ въ себя Луапалу, которая на сѣв.-западномъ концѣ его вытекаетъ подъ именемъ Луалабы; впоследствии для него выяснилось еще болѣе значеніе его открытія для вопроса о водораздѣлѣ Средней Африки. Въ то время онъ посѣтилъ могущественнаго властителя, который, подобно своимъ предшественникамъ, носилъ титулъ Казембе, т. е. военачальника; онъ строго управлялъ своими подданными, казня ихъ отсѣченіемъ рукъ или ушей за самыя ничтожныя проступки, но Ливингстона принялъ милостиво. По своему обыкновенію, Ливингстонъ убѣждалъ его отказаться отъ торговли невольниками и отъ жестокости по отношенію къ подчиненнымъ; Казембе только смѣялся на его слова, однако отпустилъ по его просьбѣ плѣннаго араба Магомета-Бенъ-Сале, который пожелалъ остаться при Ливингстонѣ и идти вмѣстѣ съ нимъ въ Уджиджи. Ливингстонъ всего болѣе стремился въ названный городъ на Танганьикѣ: туда должны были придти выписанныя имъ вещи и вѣсти съ родины, которыхъ онъ не имѣлъ уже два года. Наводненіе вслѣдствіе дождей не позволяло пуститься въ путь, и Ливингстонъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы обзрѣть другое неизвѣстное озеро, о какомъ онъ давно уже слышалъ, подъ именемъ Бемба или Бангвеоло. Даже Магометъ не совѣтывалъ ему предпринимать этой поѣздки, трое изъ его людей отказались идти съ нимъ, и тѣмъ не менѣе Ливингстонъ, съ четырьмя остававшимися у него чернокожими юношами, предпринялъ задуманное путешествіе. Часть пути онъ совершилъ съ арабомъ Магометомъ-Богарибомъ, знакомство съ которымъ впоследствии оказало ему большую пользу. 18-го іюля 1868 г. Ливингстонъ открылъ озеро Бангвеоло, одно изъ самыхъ значительныхъ озеръ въ Средней Африкѣ; онъ увидалъ, что съ восточной стороны въ него впадаетъ Чамбезе, вытекающая на сѣверѣ подъ именемъ Луапалы. Къ сожалѣнію, перевозчики не хотѣли провезти его по всему озеру, какъ онъ желалъ, и ему пришлось вернуться съ середины озера. Хотя и тяжелы для перехода, но

весьма любопытны были болота, питающія озеро; Ливингстонъ вѣрно оцѣнилъ значеніе такихъ мѣстъ, состоящихъ изъ губчатой, пропитанной водою почвы, хранящей въ себѣ влагу даже и въ сухое время года. Онъ думалъ, что въ нихъ слѣдуетъ искать начало истоковъ Нила, которые онъ вообще предполагалъ южнѣе, чѣмъ путешественники, занимавшіеся до него этимъ вопросомъ. Для него выяснилось теперь теченіе мощной Луалабы до выхода ея изъ озера Бангвеоло, но его еще занималъ вопросъ, соединяется ли эта рѣка съ системой Нила? Рѣшеніе его онъ отлагалъ до слѣдующаго путешествія, намѣреваясь идти прямо къ Уджиджи. 30-го іюля онъ оставилъ оз. Бангвеоло, приставъ къ арабскому каравану, направлявшемуся въ названный городъ. Движеніе его задерживалось множествомъ препятствій, вслѣдствіе безпокойнаго состоянія страны. Дойдя до оз. Моэро, онъ соединился съ Магометомъ-Богарибомъ и своими людьми, отказавшимися идти съ нимъ, а теперь умолявшими его опять принять ихъ на службу.

Начало 1869 г., которымъ открывается 2-й томъ „Послѣднихъ дневниковъ“ Ливингстона, изданныхъ уже послѣ его смерти, еще застало его на пути въ Уджиджи. Вслѣдствіе постоянной сырости и невозможности мѣнять платье, онъ страдалъ тогда болѣе чѣмъ когда-нибудь. Мучительный кашель съ кровохарканьемъ не оставлялъ его ни днемъ, ни ночью; слабость все возрастала, и болѣзненно возбужденный мозгъ вызывалъ передъ нимъ тяжелыя галлюцинаціи; то ему мерещился лѣсъ, то дерево, кора котораго покрыта человѣческими лицами; то онъ видѣлъ себя мертвымъ, лежащимъ на дорогѣ. Идти онъ уже былъ не въ силахъ, и Магометъ-Богарибъ устроилъ для него носилки; но безпрестанные толчки отъ неровной дороги не давали ему необходимаго покоя; отъ слабости онъ едва-едва только могъ держать въ рукахъ широкіе древесные листья для защиты отъ солнца. Наконецъ 13-го марта, отощавъ какъ скелетъ, Ливингстонъ достигъ Уджиджи. Но и здѣсь надеждамъ его не суждено было осуществиться: припасы, которыхъ онъ ждалъ, отчасти не дошли до Уджиджи, отчасти же были расхищены. Единственнымъ утѣшеніемъ послужили для него фланель и небольшой запасъ чаю, кофе и сахару; на нѣсколько уцѣлѣвшихъ кусковъ бумажной ткани онъ купилъ масла, муки и могъ доставать молока. Теплая одежда и сравнительно обильное питаніе поправили его здоровье настолько, что онъ отдѣлался отъ своего кашля и могъ ходить. И все-таки

въ одномъ изъ писемъ къ дочери неутомимый путешественникъ шуточно говоритъ о своемъ положеніи: „я переломалъ свои зубы отъ манса и твердой пищи; мой ротъ теперь сталъ такъ безобразенъ, что я могу послать тебѣ поцѣлуй только черезъ рупоръ“.

Съ возстановленіемъ силъ Ливингстонъ, послѣ четырехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Уджиджи, возвратился къ своему намѣренію изслѣдовать направленіе Луалабы. Въ эти четыре мѣсяца онъ написалъ множество писемъ; но они намѣренно уничтожались арабскими торговцами, которымъ поручалось доставленіе корреспонденціи въ Занзибаръ, изъ опасенія, что въ письмахъ говорится объ ихъ злоупотребленіяхъ и жестокостяхъ по отношенію къ туземцамъ. Долго оставались безъ удовлетворенія просьбы Ливингстона о доставленіи ему лодки для переѣзда на западный берегъ Танганьики, гдѣ начинается страна маньемовъ, куда онъ теперь хотѣлъ проникнуть. 12-го іюля Ливингстонъ досталъ лодку съ 9 гребцами и отправился въ новое путешествіе. 21-го сентября онъ достигъ Бамбаре, одного изъ главнѣйшихъ поселеній названной страны и, отдохнувъ тамъ болѣе мѣсяца, 1-го ноября двинулся далѣе на западъ. Восхищаясь красивой плодородной мѣстностью, онъ шелъ, не встрѣчая препятствій со стороны туземцевъ, пока не достигъ рѣки Луамы, впадающей въ Луалабу. Прибрежные жители, страшно потерпѣвшіе отъ грабежей арабскихъ торговцевъ, несмотря на всѣ увѣщанія Ливингстона, отказались дать ему лодку и приняли такое угрожающее положеніе, что онъ долженъ былъ вернуться въ Бамбаре и только въ концѣ декабря предпринялъ вторую попытку дойти до Луалабы въ сопровожденіи Магомета-Богариба. Насколько настроеніе Ливингстона было еще бодро въ то время, можно видѣть изъ замѣтки въ его дневникѣ отъ 1-го января 1870 г.: „Да поможетъ мнѣ Всевышній закончить начатое предпріятіе и до истеченія года вернуться черезъ страну басанговъ“.

Дикими мѣстами, лишенными всякихъ дорогъ, черезъ ручьи и болота подвигался онъ на сѣверъ, пока дошелъ до деревни Мамогелы, гдѣ помѣщался Катомбо, начальникъ партіи, пришедшей изъ Уджиджи за слоновой костью. Пользуясь свѣдѣніями его людей, Ливингстонъ пытался составить наиболѣе удобный маршрутъ на Луалабу. Въ Мамогелу онъ пришелъ больной, такъ какъ дорогой сильно страдалъ отъ сырости, а въ названномъ мѣстѣ заболѣлъ еще дисентеріей. Но и послѣ выздоровленія ему долго пришлось ждать

выступленія, такъ какъ глинистая почва отъ продолжительныхъ дождей была непроходима. 26-го іюня Ливингстонъ во второй разъ направился къ Луалабѣ въ сопровожденіи только трехъ спутниковъ, за отказомъ остальныхъ продолжать съ нимъ путь; изъ этихъ трехъ имена Сузи и Чумы никогда не забудутся за ихъ преданность своему хозяину. Вездѣ дружелюбно встрѣчаемый туземцами, онъ испытывалъ подозрительное отношеніе со стороны арабовъ, производившихъ различныя насилія надъ послѣдними. Узнавъ, что Луалаба не протекаетъ въ сѣверной части страны, куда онъ направлялся, Ливингстонъ повернулъ къ юго-западу. Но лѣсистыя и болотистыя мѣста затрудняли ему путь; отъ постоянного движенія по болотамъ и илу ноги его распухли и покрылись ранами до такой степени, что 22-го іюня 1870 г. онъ вновь возвратился въ Бамбаре, гдѣ, за неимѣніемъ лекарствъ, пролежалъ въ хижинѣ 80 дней въ сильныхъ страданіяхъ; но и это время не пропало у него даромъ: кромѣ чтенія Библии, онъ писалъ много писемъ и заносилъ въ свой дневникъ соображенія объ истокахъ Нила. По совѣту туземцевъ, Ливингстонъ излечился, смазывая раны смоченнымъ порошкомъ малахита.

Слабость, какую онъ ощущалъ, не остановила-бы его отъ новой попытки достигнуть своей цѣли, но ему пришлось ждать прибытія каравана, который долженъ былъ доставить ему носильщиковъ, письма, лекарства и товары для обмѣна съ туземцами. Караванъ прибылъ лишь 4-го февраля 1871 г., причемъ оказалось, что бѣльшая часть товаровъ была оставлена и растрочена въ Уджиджи, а 10 носильщиковъ, прибывшихъ съ караваномъ, желали вернуться назадъ, увѣряя, что имъ поручено привезти Ливингстона въ Занзибаръ. Потребовалась вся его энергія и обѣщаніе увеличить вдвое ихъ содержаніе, чтобы возможно было попытаться еще разъ рѣшить вопросъ первостепенной географической важности — соединяется-ли Луалаба съ Ниломъ, или составляетъ верхнее теченіе Конго? 16-го февраля Ливингстонъ вышелъ изъ Бамбаре и на пути узналъ изъ разспросовъ, что Луалаба течетъ въ юго-западномъ направленіи, а это указывало на вѣроятность послѣдняго предположенія; тѣмъ болѣе ему хотѣлось теперь прослѣдить ея теченіе. Подвигаясь въ западномъ направленіи, 31-го марта онъ пришелъ въ Ньянгве, торговое мѣстечко, расположенное на Луалабѣ; здѣсь она дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу и достигаетъ ширины трехъ верствъ. Всѣ его старанія пріобрѣсти лодку для из-

слѣдованія Дуалабы не имѣли успѣха. Арабскіе торговцы и въ особенности его новые проводники распускали слухи, будто онъ ѣдетъ съ цѣлью истребленія и грабежа туземцевъ, вслѣдствіе чего тѣ не хотѣли пустить его дальше. Ему пришлось быть свидѣтелемъ такихъ наглыхъ и безпощадныхъ насилій и убійствъ со стороны торговцевъ восточнаго берега, что онъ заболѣлъ отъ ужаснаго зрѣлища и ни за что не хотѣлъ путешествовать вмѣстѣ съ этими кровожадными людьми. Его новые слуги объявили, что они не пойдутъ дальше, и Ливингстонъ съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ отправиться въ обратный путь, т. е. въ Уджиджи. По дорогѣ онъ едва избѣгъ гибели отъ туземцевъ, принимавшихъ преданнаго имъ друга за одного изъ арабскихъ грабителей. Физическія страданія заставили его остановиться на нѣкоторое время въ Мамогелѣ и Бамбаре, но еще болѣе мучили его не осуществившіяся надежды, исполненіе которыхъ казалось ему столь близкимъ. Впрочемъ онъ не далъ воли своей досадѣ и, продолжая путь послѣ выздоровленія, 23-го октября вернулся въ Уджиджи.

ГЛАВА XI.

Свиданіе съ Стэнли. Послѣднее путешествіе и смерть Ливингстона. Заключение.

Прибытіе Стэнли.—Поѣздка въ Уніанъембе.—Движеніе по озеру Бангвеоло.—Трудности пути.—Потеря силъ.—Кончина Ливингстона.—Доставленіе тѣла его въ Занзибаръ.—Погребеніе въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.—Результаты дѣятельности Ливингстона.

Въ Уджиджи Ливингстонъ узналъ, что арабъ Шерифъ, посланный къ нему съ товарами изъ Занзибара, растратилъ все, что ему было поручено. Ливингстонъ не думалъ о наказаніи этого человѣка и, когда тотъ къ нему пришелъ, онъ только не подалъ ему руки и сказалъ: „Если-бъ я былъ арабъ, за твое воровство тебѣ отрубили-бы уши и руки“. Обезсиленный, ни откуда не ожидая помощи, Ливингстонъ сравнивалъ себя съ человѣкомъ, ограбленнымъ разбойниками на дорогѣ между Іерусалимомъ и Іерихономъ, о какомъ говорится въ Евангеліи. Менѣе всего онъ надѣялся, что какой-либо благодѣтельный самарянинъ поможетъ ему. Между тѣмъ 10-го ноября его слуга Сузи прибѣжалъ къ нему запыхавшись и объяснилъ, что идетъ „англичанинъ“. Ливингстонъ вышелъ посмотреть на прибывшаго, о комъ говорилъ Сузи, и увидалъ цѣлый караванъ съ тюками товаровъ, съ ваннами, котлами, кастрюлями, палатками и т. п. „Какой это должно быть богатый путешественникъ! воскликнулъ Ливингстонъ: видно что средства его не истощены такъ, какъ у меня“.

Это былъ американецъ Генри Стэнли, посланный издателемъ американской газеты „New York Herald“ для отысканія Ливингстона. Какъ описываетъ Стэнли, онъ увидалъ передъ собою блѣднаго, еще нестарога на видъ человѣка, только съ просѣдью въ темнорусыхъ волосахъ, но уже съ бѣлой бородой; на немъ была голубая фуражка съ полинялымъ золотымъ галуномъ (присвоенная консульскому званію), красная куртка и сѣрые панталоны. Изъ писемъ, привезенныхъ Стэнли, Ливингстонъ могъ узнать, что англійское

правительство не забыло о немъ, назначивъ ему 10 тысячъ рублей единовременно и 3,000 ежегоднаго содержанія. Присланные для него запасы невозможно было провезти изъ Уньянембе вслѣдствіе войны, стѣснявшей движеніе каравановъ. Стэнли подѣлился съ нимъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, и заботился всѣми мѣрами о восстановленіи его силъ. Будучи самъ человѣкомъ крайне выносливымъ, Стэнли тѣмъ не менѣе высказываетъ неподдѣльное удивленіе передъ характеромъ Ливингстона. „Кротость и надежда, говоритъ онъ, никогда не оставляютъ его; никакія страданія, лишенія и заботы, даже разлука съ родиной и близкими людьми не вызываютъ въ немъ жалобы. „Въ концѣ концовъ все къ лучшему“, говоритъ онъ, твердо вѣря въ благодѣяніе Провидѣнія... Онъ соединяетъ въ себѣ мужество спартанца, непоколебимость римлянина и выносливость англо-сакса. Онъ даетъ волю своему юмору, и, когда смѣется, смѣхъ охватываетъ его всего. Память Ливингстона достойна изумленія; несмотря на то, что четыре года у него вовсе не было книгъ, онъ можетъ читать наизусть цѣлыя стихотворенія изъ многихъ англійскихъ поэтовъ. Религія его отличается практическимъ характеромъ и лишена всякой напыщенности и навязчивости; она проникаетъ собою всю его дѣятельность и опредѣляетъ отношенія къ людямъ, съ которыми онъ соприкасается. Безъ ея вліянія, при пылкомъ темпераментѣ и смѣлости, Ливингстонъ могъ-бы казаться жесткимъ; религія его сдѣлала мягкимъ, уступчивымъ и привлекательнымъ въ обращеніи“.

Оба путешественника отправились въ Уньянембе, куда прибыли 18-го февраля 1872 г. Здѣсь Стэнли убѣждалъ Ливингстона вернуться на родину, восстановить свои силы и уже потомъ приступить къ окончанію задуманнаго имъ дѣла. Но непоколебимый пионеръ говорилъ, что друзья ожидаютъ его возвращенія послѣ открытія истоковъ Нила; въ доказательство этого онъ показывалъ письмо своей дочери (Агнесы). Великій путешественникъ высказалъ твердое намѣреніе остаться въ Африкѣ и закончить свое предпріятіе. Запасы, предназначенные для него въ Уньянембе, оказались разграбленными, и Стэнли уступилъ ему часть своихъ запасовъ, что впрочемъ для Ливингстона было настоящимъ богатствомъ. Простившись съ Стэнли 14-го марта 1872 г., Ливингстонъ еще четыре мѣсяца пробылъ въ Уньянембе, въ ожиданіи людей изъ Занзибара. Въ это время онъ занимался астрономическими наблюденіями, черченіемъ картъ, приве-

деніемъ въ порядокъ геологическихъ замѣтокъ объ Африкѣ и составленіемъ длиннаго письма въ газету „New York Herald“, съ цѣлью побудить американцевъ принять мѣры для подавленія невольничества на восточномъ берегу Африки; вмѣстѣ съ тѣмъ Ливингстонъ собиралъ свѣдѣнія отъ арабовъ и туземцевъ объ окружающей странѣ, лечилъ больныхъ и изучалъ нравы животныхъ. Онъ готовился къ путешествію, въ которомъ долженъ былъ дойти до оз. Бангвеоло, изучить его притоки съ южной стороны, двинуться на западъ для обозрѣнія истоковъ Нила, упоминаемыхъ Геродотомъ, и черезъ Уджиджи вернуться на родину.

14-го августа пришли люди, ожидавшіеся изъ Занзибара, и 25 того-же мѣсяца Ливингстонъ выступилъ въ путь. Жаръ былъ невыносимый, многіе заболѣвали, и болѣзнь самого Ливингстона начинала принимать серьезный характеръ; но онъ все еще крѣпился и то ѣхалъ на ослѣ, то шелъ пѣшкомъ. 8-го октября отрядъ вновь увидѣлъ оз. Танганьiku и пошелъ горными мѣстами, изъ которыхъ многія были ему уже знакомы. Въ началѣ февраля 1873 г. Ливингстонъ пришелъ къ о. Бангвеоло. На дальнѣйшемъ пути дожди и наводненія, переправы черезъ рѣчки и болота упорно преслѣдовали его. 26-го марта онъ дошелъ до Чамбезе; и на другой сторонѣ рѣчки ничего не было видно, кромѣ затопленныхъ пространствъ, откуда высокіе муравейники возвышались, какъ острова. Тогда онъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что „въ такихъ наводненіяхъ, быть можетъ, заключается причина выступленія Нила изъ береговъ“; такимъ образомъ, надежда отыскать истоки Нила все еще не оставляла его. Однако движеніе по болотистымъ, покрытымъ водою пространствамъ, вмѣстѣ съ лишеніями и заботами, подорвало наконецъ его силы, и организмъ его утратилъ ту безпримѣрную способность сопротивленія, какою отличался до тѣхъ поръ. Съ конца марта у Ливингстона начались геморроидальныя потери крови, чрезвычайно ослаблявшія его организмъ. И все таки онъ не переставалъ дѣлать наблюденія надъ окружающей природой и заносить ихъ въ свой дневникъ. Въ половинѣ апрѣля состояніе его ухудшилось; онъ не могъ уже ни идти, ни ѣхать верхомъ, и его надо было нести въ носилкахъ. Онъ направлялъ свой путь къ юго-западу, надѣясь добраться до сухой мѣстности. 20-го апрѣля Ливингстонъ былъ еще въ силахъ отправить обыкновенную воскресную службу, но въ слѣдующіе дни могъ только проставлять числа въ

своемъ дневникѣ. 27-го апрѣля онъ записалъ дрожащимъ, неразборчивымъ почеркомъ: „Совершенно обезсилѣлъ и остаюсь здѣсь, чтобы отдохнуть—послалъ купить двухъ молочныхъ козъ—мы на берегахъ Молиламы“. Козьяго молока, котораго такъ хотѣлъ больной, не могли достать, и слабость его все возрастала. 29-го апрѣля 1873 г. было послѣднимъ днемъ его странствованій. Онъ чувствовалъ себя столь слабымъ, что не въ силахъ былъ выдти изъ дверей хижины; пришлось проломать стѣну, чтобы положить его на носилки. Колебаніе носилокъ во время пути доставляло ему жестокия мученія; онъ часто просилъ останавливаться и отдыхалъ. Придя въ деревню въ странѣ Илала, его люди наскоро построили для него хижину и положили его на постель изъ травы; дорожный ящикъ замѣнялъ столъ у постели. На слѣдующее утро къ нему пришелъ Читамбо, начальникъ деревни, но Ливингстонъ уже не могъ принять его. Въ ночь на 1-е мая онъ два раза просилъ позвать къ себѣ любимаго слугу Сузи—одинъ разъ, чтобы узнать о причинѣ шума, доносившагося до него, а другой, чтобы принять лекарство. Въ 4 часа утра мальчикъ, спавшій въ хижинѣ, съ тревогой пришелъ къ Сузи. „Поди къ господину, сказалъ онъ, я боюсь: не знаю—живъ-ли онъ“. Сузи вмѣстѣ съ Чумой и тремя другими людьми поспѣшили въ хижину Ливингстона и увидали его, при свѣтѣ восковой свѣчи, стоящимъ на колѣняхъ у постели. Сперва вошедшіе подумали, что онъ молится, но когда мальчикъ сказалъ, что онъ уже давно въ такомъ положеніи, они подошли ближе. Тогда они замѣтили, что жизнь уже оставила его. Голова страдальца была опущена на сложенные руки; смерть вѣроятно застала его во время молитвы.

Вѣрные слуги Ливингстона, Сузи и Чума, рѣшили, что трупъ его долженъ быть доставленъ въ Занзибаръ для отправленія на родину. Не говоря уже о громадномъ разстояніи, какое предстояло для этого пройти, выполненіе ихъ намѣренія затруднялось суевѣріями туземцевъ, которымъ покойники вселяютъ непреодолимый ужасъ. Тѣмъ не менѣе набальзамированный и высушенный трупъ Ливингстона они несли на носилкахъ, вступая иногда въ настоящія сраженія съ дикарями. Девять мѣсяцевъ продолжались эти безпримѣрные похороны. На пути, шествіе было встрѣчено англійскимъ лейтенантомъ Кэмерономъ, посланнымъ лондонскимъ географическимъ обществомъ для отысканія Ливингстона; Кэмеронъ совѣтывалъ похоронить трупъ въ Африкѣ, но Сузи и Чума не

послушали его. Въ февралѣ 1874 г. они достигли Багамои и передали останки Ливингстона капитану англійскаго корабля; оттуда вѣрные слуги проводили ихъ до Занзибара, исполнивъ свой долгъ до конца; они бережно сохранили всѣ записки, дневники и карты Ливингстона.

По доставленіи въ Лондонъ, тѣло Ливингстона было выставлено въ помѣщеніи лондонскаго географическаго общества. 18-го апрѣля оно было предано землѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, усыпальницѣ великихъ людей Англій. Надъ гробомъ утверждена черная мраморная доска съ слѣдующей надписью:

«Перенесенный вѣрными руками черезъ сушу и море, покоится здѣсь

ДАВИДЪ ЛИВИНГСТОНЪ,

миссіонеръ, путешественникъ и другъ человѣчества.

Тридцать лѣтъ его жизни были посвящены неутомимому стремленію распространить Евангеліе среди народовъ Африки, изслѣдовать неразгаданныя тайны и уничтожить торговлю невольниками, опустошающую Среднюю Африку».

Смерть Ливингстона обратила глаза всѣхъ къ великому vollkommenому имъ дѣлу. Необыкновенное сочетаніе въ одномъ лицѣ путешественника и миссіонера, человѣка науки и энергическаго дѣятеля, героическаго исполнителя своего долга и истиннаго друга людей, нашло наконецъ себѣ оцѣнку. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ ученыхъ обществахъ, и въ статьяхъ научныхъ журналовъ, написанныхъ по поводу смерти Ливингстона, воздавалось должное его заслугамъ на поприщѣ открытій и распространенія цивилизаціи на громадномъ пространствѣ „темнаго“ материка, въ которомъ, благодаря ему, выступила изъ непроницаемаго мрака площадь около 260.000 квадр. миль. Какъ замѣчаетъ нѣмецкій географъ Бэмъ, достаточно взглянуть на карту Южной Африки, чтобы признать въ Ливингстонѣ одного изъ самыхъ неутомимыхъ и успѣшныхъ путешественниковъ всѣхъ временъ и чтобы видѣть, какъ необычайно много сдѣлано имъ для обогащенія нашихъ свѣдѣній о неизвѣстныхъ намъ частяхъ земного шара.

Великое значеніе открытій Ливингстона заключается не только въ ихъ совершенной новизнѣ и въ громадности охватываемаго ими пространства: они были открытіемъ, извѣстной лишь на своихъ окраинахъ, половины обширнаго африканскаго материка вліянію европейскаго религіознаго и научнаго просвѣщенія. Сдѣлан-

ное Ливингстономъ было слишкомъ значительно и слишкомъ жизненно, чтобы оно могло остаться достояніемъ лишь специалистовъ-географовъ и естествоиспытателей. Описанное имъ огромное пространство земли, приближавшееся по своему богатству къ самымъ счастливымъ странамъ юго-восточной Азіи и тропической Америки, не могло не привлечь къ себѣ общаго вниманія. Все, что нужно и можно было сдѣлать для Южной Африки, въ ея интересахъ и въ интересахъ европейской колонизаціи, было намѣчено Ливингстономъ, и оставалось лишь идти по слѣдамъ его. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Стэнли началъ съ того, на чемъ остановился Ливингстонъ, и, совершивъ самое важное изъ своихъ открытій, спустившись отъ Нангве до устьевъ Конго, закончилъ лишь то, чего не успѣлъ сдѣлать Ливингстонъ. Въ мѣстахъ, указанныхъ Ливингстономъ, были проведены дороги и учреждены миссіонерскія станціи. Толчокъ, данный имъ вопросу о торговлѣ невольниками, также не остался безъ послѣдствій, и эта страшная язва Африки потеряла свой острый, безпощадный характеръ. Вопросъ колонизаціи Африки нельзя еще считать рѣшеннымъ, но фактическое раздѣленіе ея, въ видѣ установленія международной области Конго и сферъ вліянія Англии, Германіи и др. государствъ, указываетъ, какой огромный шагъ сдѣланъ для сближенія нашей части свѣта съ „темнымъ“ материкомъ. Для того, чтобы колонизація Африки не была повтореніемъ колонизаціи Америки и острововъ Тихаго океана, по своей жестокости къ туземцамъ, постыдной для имени христіанскихъ и цивилизованныхъ народовъ, остается и далѣе выполнить программу Ливингстона — принести туземцамъ Африки просвѣщеніе въ духѣ христіанской любви и братской помощи. Ливингстонъ своей жизнью и своей личностью далъ великій образецъ того, какъ надо просвѣщать темныхъ людей: онъ показалъ, что для этого ихъ надо располагать къ себѣ и учить своимъ примѣромъ. Въ исторіи землѣдѣнія и естествознанія можно встрѣтить имена болѣе крупныя, чѣмъ его имя, но въ исторіи христіанскаго просвѣщенія и распространенія гуманнаго отношенія къ людямъ едва-ли въ новѣйшее время найдется другой образъ, который былъ-бы окруженъ болѣе яснымъ и чистымъ ореоломъ, чѣмъ образъ шотландца-рабочаго Давида Ливингстона.

Учебныя руководства и пособия.

- КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. И. Ридачева. Съ 197 рисун. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ. А. Заблодцаго. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.
- КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГИИ И КЛИМАТОЛОГИИ. Профес. Льснаго Инстит. Д. Лачинова. Съ 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
- ОСНОВАНИЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГИИ. В. Селезнева. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Гано. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. Ц. 4 руб.
- ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. А. Гано. Перев. Ф. Павленкова, Съ 604 рис. Ц. 2 р.
- КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 335 рисун. и 214 задачами. Ц. 1 р.
- ПОПУЛЯРНАЯ ХИМИЯ. Н. Вальберха и Ф. Павленкова. Съ 50 рис. Ц. 40 к.
- УЧЕБНИКЪ ХИМИИ. А. Альмедингена. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
- ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРИЯ. В. Потоцкаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
- ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗИОЛОГИИ. Бурдонъ Сандерсона. Переводъ д-ра Фридриха Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ со многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.
- СБОРНИКЪ АРИѐТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е изданіе. Ц. 40 к.
- Тотъ же "Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.
- САМОСТЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. Т. Лубенца. Ц. 15 к.
- УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. Ц. 30 к.
- МЕТОДИКА АРИѐТИКИ. С. Житкова. 3-е изд. Ц. 75 к.
- СБОРНИКЪ АРИѐМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложение къ "Методикѣ ариѐтики". С. Житкова. Ц. 40 к.
- СБОРНИКЪ САМОСТЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѐТИКѢ. Задачникъ для учениковъ. С. Житкова. 2-е изд. Ц. 25 к.
- ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. А. Кузнецова. изд. 2-е. Ц. 1 р.
- НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.
- ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ "НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ". Ф. Павленкова. 7-е изд. Ц. 15 к.
- РОДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
- АЗБУКА-КОПѢЙКА. Ф. Павленкова. 7-е изд. 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.
- НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова. 1) "КЪ РОДНОМУ СЛОВУ" Ушинскаго (400 рис.). 2) "КЪ АЗБУКѢ БУАКОВА" (460 рис.). 3) КЪ "ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ" Паульсона (430 рис.). 4) КЪ "РУССКОЙ АЗБУКѢ" Водовозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.
- НАШЪ ДРУГЪ Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа. 15-е изд. съ 200 рис. Ц. 75 к.
- ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго. Для низш учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 125 рисунками. 4-е изд. Ц. 60 к.
- НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.
- ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма Т. Лубенца 1-я книга Ц. 30 к. 2-я книга. Ц. 40 к.
- РУКОВОДСТВО къ "ЗЕРНЫШКУ" Лубенца. Ц. 50 к.
- ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е изд. Ц. 5 к.
- РУКОВОДСТВО КЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ. Т. Лубенца. Ц. 15 к.
- КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ А. Карюкова. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
- РУССКОЕ СЛОВО. А. Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ. Ц. 1 р.
- РУКОВОДСТВО къ "РУС. СЛОВУ". Ц. 60 к.
- АЗБУКА ДОМОВОДСТВА и ДОМАШНЕЙ ГИГИЕНЫ. Сост. М. Климъ. Ц. 75 к.
- 300 ПИСЬМЕН РАБОТЪ Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣленій начал. школы. Н. Корфа. Ц. 15 к.
- ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ. Диктовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.
- ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. М. Герасимова. Съ 96 рис. Ц. 50 к.
- СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Савицкаго. Ц. 40 к.
- ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГИИ. Поля Бера. Переводъ подъ ред. проф. И. Мечникова. 345 рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
- Въ папкѣ 1 р. 20 к., въ переп. 1 р. 50 к.
- КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сизова. Съ 118 рис. Цѣна 50 к.
- СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. Разыграева: 1) Элементарныя свѣд. о правописаніи. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правописаніи. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знак. препинанія. Ц. 35 к.
- ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
- ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ. Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.
- ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А. Колтановскаго. 279 рис. Ц. 75 к.
- РИСОВАНИЕ АКВАРЕЛЬЮ А. Касаня. Перев. съ франц. О. Кочетовой. 120 политик. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.
- ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф. Шубелера. Съ 130 рис. Ц. 60 к.
- НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корнеля. 11-е изданіе, съ 10-ю раскраш. карт. и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная
фическая библиотечка подъ за

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ

417

Въ составъ библиотечки войдутъ биографіи

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: Д'Аламберъ, Андерсенъ

Байронъ, Балзакъ, Беккариа, Ф. Беконъ, Беранже, Клодъ-Бернар, Бернсе
Бернсъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачю, Бокль, Бомарше, Дж. Бруно
Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Виклефъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Гайднъ, Галилей
Гарвей, Гарибальди, Гарринъ, Гегель, Гейне, Гердеръ, Гете, Гладстонъ
Говардъ, Гогартъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ
Гюго, Дагерръ, и Ніцшъ, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дефо, Дженнеръ
Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Кантъ, Кальвинъ, Канова
Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ, Амосъ-Коменскій, Кошъ, Конфуцій
Коперникъ, Крашевскій, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ
Лейбницъ, Лессепъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Личольнъ, Линней
Лайола Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макиавелли, Маре (основатель между
народной лиги образованія), Меттернихъ, Микель-Анджело, Мильтонъ
Мирабо, Мицкевичъ, Мольтеръ, Мольтке, Морзе, Т. Моръ, Моцартъ
Т. Мюллеръ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци
Платонъ, Прудонъ, Рабле, Рафаель, Рашель, Рембрандтъ, Ришелье
Ротшильдъ, Руссо, Савонарола, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ
Сократъ, Спенсеръ, Спизона, Сталь, Стэнли, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ
Фарадей, Франклинъ, Францискъ-Ассизскій, Фултонъ, Цвингли
Шекспиръ, Шелли, Шиллеръ, Шопенгауеръ, Шопенъ, Эдисонъ
Дж. Эліотъ, Эразмъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Богданъ
Хмѣльницкій, Боткинъ, Булгаринъ, Бѣлинскій, Бэръ, Верещагинъ
Волковъ (основатель русскаго театра), Воронцовы, Глинка, Гоголь
Грановскій, Грибоѣдовъ, Дашкова, Демидовы, Достоевскій, Екатерина II
Зининъ, Иванъ VI, В. Н. Каразинъ (основатель Харьк. университета)
Карамзинъ, Катковъ, С. Ковалевская, Кольцовъ, Баронъ Н. А. Корфъ
Н. Костомаровъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ
Менделѣевъ, Меншиковъ, Миклуха-Маклай, Н. Милютинъ, Некрасовъ
Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ
Писемскій, Посошковъ, Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Радищевъ
Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Струве, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ
Гл. Успенскій, Ушинскій, Фонъ-Визинъ, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается особая
книжка, въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При биографіяхъ пу-
тешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются геогр.
карты, снимки съ картинъ и ноты.

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ биографіи которыхъ
вышли до 15 іюня 1891 г. Новыя биографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Сиб., Леш-
туковъ пер., № 2). Цѣна каждой книжки 25 к.